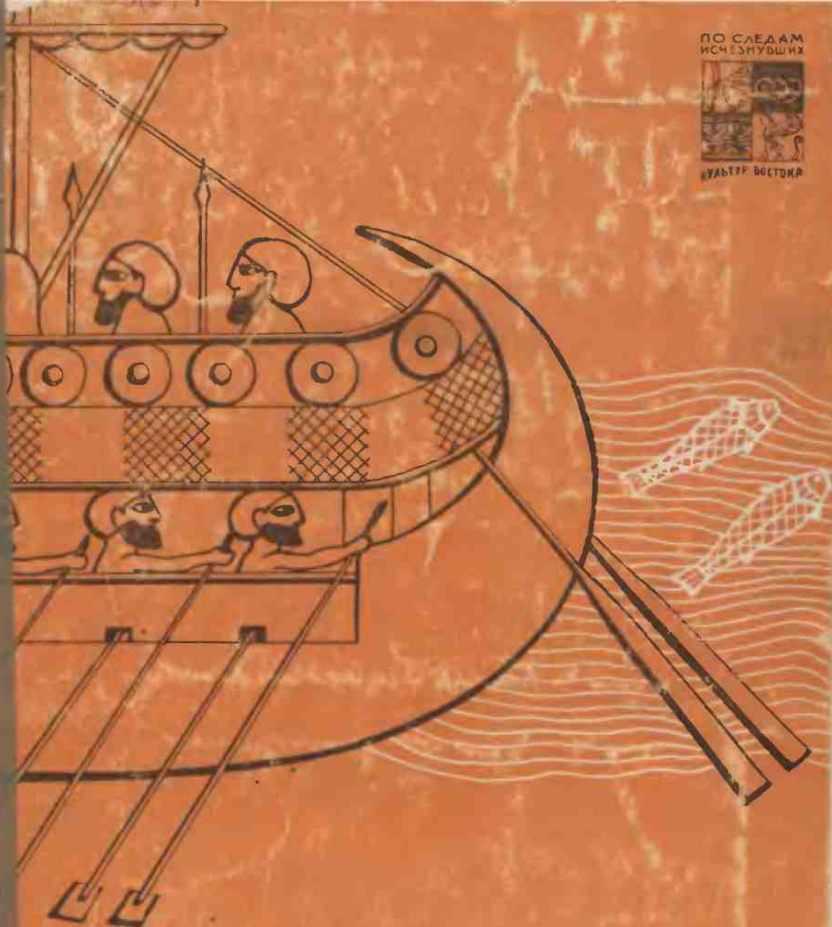

ПО СЛЕДАМ

ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

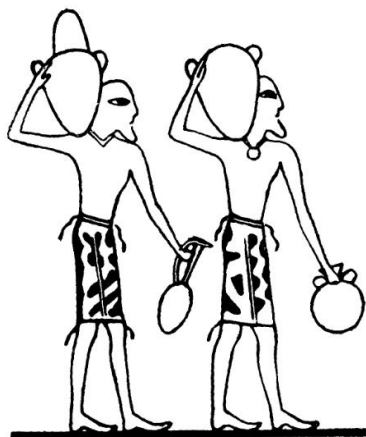
И. Ш. ШИФМАН

ФЕНИКИЙСКИЕ МОРЕХОДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. Ш. ШИФМАН

ФИНИКИЙСКИЕ МОРЕХОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

Ответственный редактор

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

В освоении морских путей в районе Средиземноморья немалую роль сыграли отважные финикийские мореходы. Не было такого уголка в бассейне Средиземного моря, куда бы они ни плавали. Балканы и Крит, Сицилия и Пиренеи, Причерноморье видели тяжело нагруженные «чернобокие» финикийские корабли, слышали гортанную финикийскую речь, иногда с нетерпением, иногда со страхом ожидали появления на горизонте хорошо знакомых узорчатых парусов. Однако финикияне не ограничивались только средиземноморским миром. Преодолев естественную для своего времени боязнь, они вышли за Гибралтарский пролив и проложили морскую дорогу на север — к Британским островам. Плавали они и на юг — вдоль атлантического берега Африки. Впервые в истории человечества финикияне совершили путешествие вокруг Африки — от Красного моря до Гибралтара. Они осмеливались заплывать даже в глубь Атлантического океана, далеко от берегов.

Сами финикияне отнюдь не искали славы первооткрывателей морских путей, да и в действительности они, по-видимому, не всегда были ими. Есть основания думать, что, пlying, например, в Британию, они пользовались данными, полученными от местных и британских моряков в Южной Испании. И, более того, финикияне вообще не ставили перед собой исследовательских задач. То, что они знали или узнавали об отдаленных районах известного в древности мира, не выходило за пределы насущно необходимого для ведения морской торговли. Финикияне искали такие места, где добывались редкие по тому времени и драгоценные металлы, где можно было, не подвергаясь чрезмерному риску, добывать рабов и продавать свои товары. Они стремились к наживе и поэтому всячески старались скрыть от

соперников известные им морские дороги, а если это не удавалось, сообщали неверные сведения, старались рассказами о таинственных явлениях природы и фантастических животных отпугнуть всех, кто мог бы плыть за ними следом.

Однажды карфагенские купцы даже утопили собственный корабль только для того, чтобы плывшие следом чужаки не выведали, куда и зачем они направились. Карфагенские власти, покровительствовавшие такой политике, возместили этим купцам убытки. Может быть, именно поэтому мы так мало знаем о финикийских мореплавателях и до нас не дошли, за крайне редкими исключениями, их имена. А кто знает, не совершали ли финикийцы еще более далекие плавания, о которых не сохранилось никаких упоминаний в произведениях древних авторов? Не сохранилось именно вследствие той таинственности, которой было окутано финикийское мореходство...

И хотя географические открытия финикийцев далеко не всегда были открытиями в строгом смысле этого слова, их роль и значение в истории народов Средиземноморья, одного из важнейших и древнейших культурных очагов человечества, трудно переоценить. Они способствовали знакомству и культурному сближению народов этого района. Они оказали значительное влияние на культуру народов Средиземноморья. Еще и сегодня большинство грамотного населения земли пользуется алфавитами, которые восходят к угловатым, неуклюжим знакам финикийской письменности.

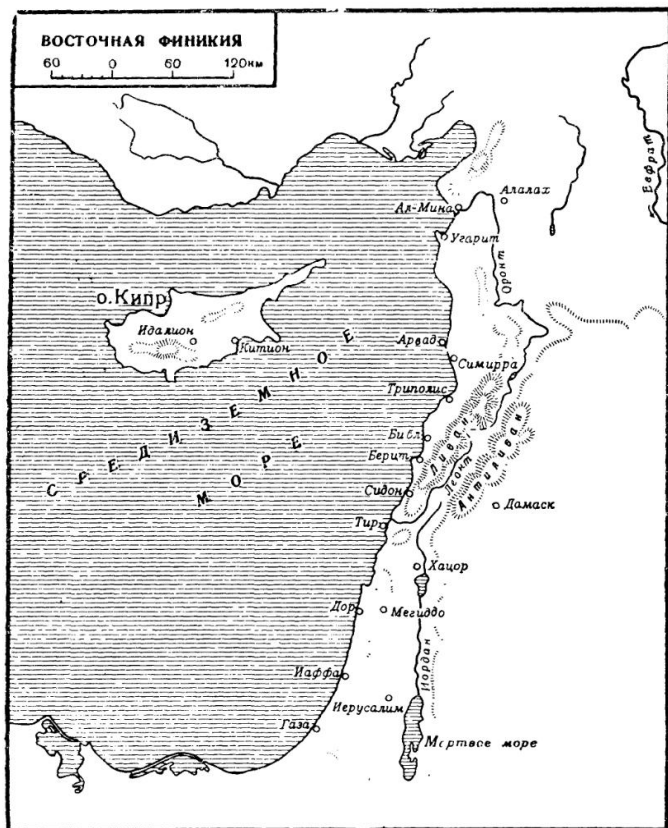
Вот почему этот давно исчезнувший народ заслужил право на благодарную память человечества.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

На восточном берегу Средиземного моря, к северу от мыса Кармел, у подножия поросших густыми кедровыми лесами Ливанских гор узкой полосой протянулась страна, которую древние греки называли Финикией, а местные жители — Ханааном. Она никогда не отличалась обилием полезных ископаемых, но зато почвы ее были плодородны, а небольшие горные реки, естественные источники и колодцы обильно снабжали ее водой. Море и реки были очень богаты рыбой, являвшейся в древности одним из важнейших продуктов питания. Недаром здесь очень рано, вероятно еще в IV тысячелетии до нашей эры, возникли поселения земледельцев и рыболовов.

Финикийское народное предание, которое донесли до нас античные историки Геродот и Помпей Трог, утверждало, что на берег Средиземного моря этот народ пришел откуда-то с берегов Эритрейского моря (видимо, Индийского океана). Страшное землетрясение вынудило их покинуть свою прежнюю родину. Трудно сказать, насколько эти легенды соответствуют исторической действительности. Возможно, в них содержится воспоминание о том далеком периоде истории финикийян, когда они еще не выделились из общей массы ханаанейян, населявших обширные пространства Сирии, Палестины и Сирийской пустыни. Во всяком случае некоторые финикийские историки считали, что финикийяне были исконными жителями своей страны.

Все данные о времени возникновения финикийских городов свидетельствуют об их глубокой древности. На положение древнейшего города долго претендовал Сидон. Недаром в Библии он назван «первородным сыном» Ханаана (то есть Финикии). В древнейший период своей истории этот город был, по-видимому, рыбацким поселком. Даже

Восточная Финикия

название Сидона в переводе на русский язык означает «рыба».

Тирияне относили постройку храма своего главного бога Мелькарта ко времени, соответствующему XXVIII веку до нашей эры. Правда, по другой версии, Тир был основан сидонянами в начале XII века. Но, судя по многочисленным документам, Тир играл активную роль в политической жизни Сирии и Финикии уже в середине II тысячелетия. Поэтому мы можем эту последнюю дату считать недостоверной, как и связанное с нею предание. Оно, по-видимому,

должно было как-то обосновать претензии Сидона на господство над остальными финикийскими городами, в том числе и над Тиром.

Одним из древнейших городов Финикии был Библ (по-финикийски Губл, в Библии — Гебал). Самые ранние археологические материалы, происходящие оттуда, датируются V тысячелетием до нашей эры. В то время Библ представлял собой еще небольшой поселок. Но в конце IV — начале III тысячелетия Библ превращается в довольно крупный город, обнесенный массивной каменной оборонительной стеной.

Как же финикияне обрабатывали землю? К сожалению, мы не можем определенно ответить на этот вопрос. Ближайшие соседи финикиян — древние израильтяне — значительно позже пользовались деревянной сохой, в которую запрягали пару волов. Сеяли они ячмень и пшеницу, много внимания уделяли виноградарству и разведению олив. Урожай снимали бронзовыми и позднее железными серпами. На поле обычно работал сам хозяин, его взрослые сыновья и рабы. Видимо, то же было и в Финикии с той только разницей, что там преимущественное развитие получило садоводство.

Рыбу финикияне ловили сетями с небольших плоскодонных лодок. Ее обилием особенно славился Тир: «...богат он рыбой более, чем песком», — сказано в одном египетском папирусе.

Во многих финикийских городах, и прежде всего в Тире и Сидоне, была широко развита добыча пурпура, высоко ценившегося во всем древнем мире. Это был естественный краситель — желтоватый сок, извлекавшийся из раковины улитки-багрянки, где он образуется после смерти моллюска. После обработки пурпур придавались различные оттенки — от красного и розового до лилового и фиолетового. Эту краску не вывозили: ею красили шерстяные ткани, доставляемые из глубинных районов Сирии. Тяжелый, удушливый запах стоял в мастерских, работники ходили по отбросам, спали среди отбросов, тут же заболели и умирали.

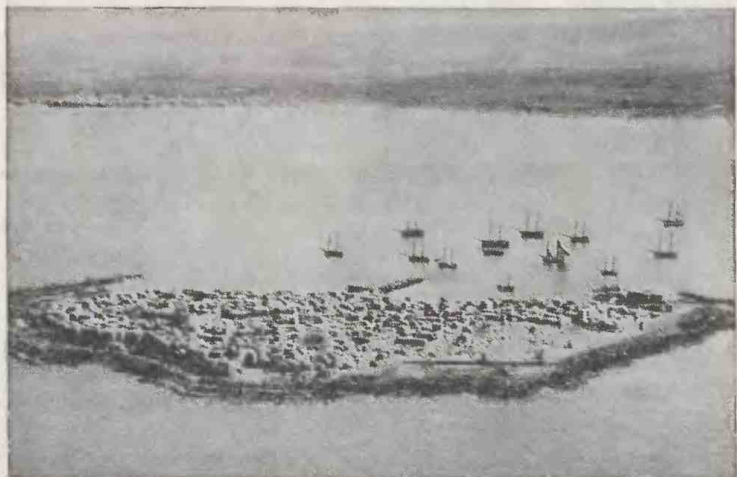
В финикийских городах рано развилось ремесло, и ремесленники — литейщики, чеканщики, строители, ткачи, гончары и многие другие — пользовались доброй славой далеко за пределами своих родных мест. Знаменитый иудейско-израильский царь Соломон (X в. до н. э.), желая построить дворец для себя и храм для бога Йахве в своей

сголице — городе Иерусалиме, — обратился к Хираму, владыке Тира, с просьбой прислать специалистов. Статуэтки богов, отлитые из бронзы и серебра, ожерелья, серьги и бусы — изделия финикийских мастеров — отличались изяществом и тонкой отделкой.

Значительную роль в финикийском ремесле играло и производство стекла. На первых порах финикийцы варили стекло, научившись этому искусству у египтян. Из стекла они изготавливали орнаментированные сосуды, различные украшения, безделушки и другие изделия, считавшиеся в те времена предметами роскоши. Со временем финикийцы значительно усовершенствовали производственный процесс и стали получать стекло различных сортов — от темного и непрозрачного до бесцветного и прозрачного. Они научились придавать стеклу желаемый цвет, сохраняя при этом его прозрачность. Значительно позднее (I в. н. э.) они овладели искусством выдувания стекла.

Однако не только земными путями старались финикийцы обеспечить свое благополучие. По их мнению, очень важно было добиться благосклонности таинственных сверхъестественных существ — богов, управлявших, как они считали, миром. Финикийцы, как правило, избегали произносить имена богов. Ведь если назовешь бога по имени, то как бы окликнешь его — он явится и в гневе своем уничтожит дерзкого, посмеявшегося нарушить его покой. Поэтому обычно они говорили о своих богах обиняками, и мы естественно не знаем, как их звали. Верховный бог — владыка Вселенной — назывался просто богом (по-финикийски Эл). Его супруга именовалась богиней (Элат) или духом (Ашерат) моря. Другие боги назывались царями (*малк* или *милк*) или хозяевами (*баал*; в так называемом синодальном переводе Библии на русский язык этому слову соответствует *ваал*). Среди богов мы находим и «владыку севера» (Баалцафон), и «хозяина неба» (Баалшамен), и «хозяина жара» — бога солнца (Баалхаммон), и хозяина Ливанских гор, и многих других. Каждый клочок земли, каждый ручей, каждое дерево имели владыку. Иногда вместо имени употреблялось прозвище, указывавшее на функции божества (подобно русским «громовик», «лесовик»).

Божественные хозяева-покровители имелись и у каждого города. Хозяином Тира был Мелькарт («царь города»). Каждый год тиряне устраивали в его честь праздник, и тогда в город съезжались не только жители подвластных

Современный Сидон

Современный Тир

Тиру поселков, но и посланцы далеких колоний. Торжественное шествие направлялось в храм, и там происходила пышная церемония восшествия бога на его престол. Древние греки отождествляли Мелькарта с героем своих народных преданий сказочным богатырем Гераклом. Видимо, существовали финикийские сказания о героических подвигах Мелькарта (или, вернее, того бога, который скрывался под этим именем). Во всяком случае науке известны легенды о подвигах Керета, происходящие из северофиникийского города Угарита. Будучи владыкой одного из крупнейших центров морской торговли, Мелькарт рано стал покровителем мореплавания. Где бы тиряне ни появлялись, они воздвигали святилища или алтари в честь своего бога, который, как они думали, привел их туда.

Владыкой Сидона был Эшмун. Это слово происходит от общей для древнееврейского и финикийского языков основы *шем* «имя» и должно обозначать только «обладатель имени». Древние греки обычно сопоставляли Эшмуна со своим богом врачевания Асклепием. Видимо, Эшмуна тоже считали богом-целителем.

Некоторые финикийские города имели не «хозяев», а «хозяек». Так было, например, в Берите (нынешний Бейрут), где почивалась «Великая хозяйка Берита». В Библие в подобной же роли выступала богиня любви и плодородия, чье подлинное имя нам известно — Аштарт (Астарт).

Для финикиян-рыболовов особое значение имел культ бога Дагона (рыба по-финикийски *даг* или, возможно, *дог*). Известен и бог огня, пламени и света Решеф (это слово, собственно, и значит «огонь»), которого греки отождествляли со своим богом-светоносцем Аполлоном.

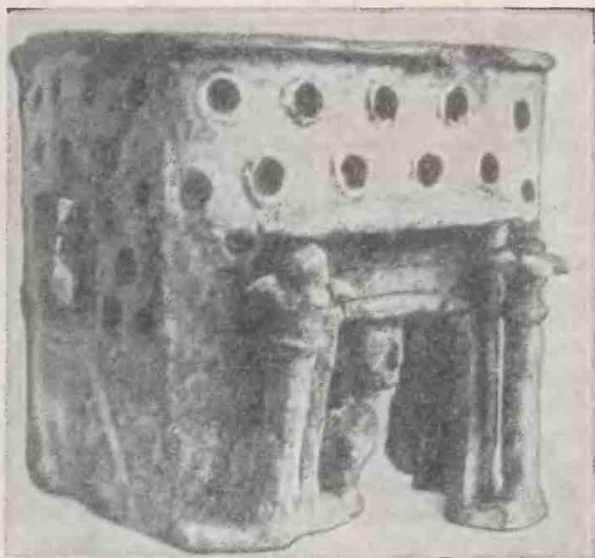
Среди памятников, найденных при раскопках северофиникийского города Угарита, особое внимание ученых привлекли таблички, содержащие записи древнейших финикийских религиозных гимнов и поэм. Центральными действующими лицами в них были Баал (видимо, тождественный с Баалцафоном) — бог земледелия и плодородного дождя, иначе называвшийся Алейан («Верхний»), владыка подземных вод, рек и моря, куда стекают реки; его сестра — грозная воительница Анат (двойник богини любви Аштарт, которая также встречается в угаритских документах). Врагом Алейана был Мот («Смерть») — бог иссушающего южного солнца, губящий растительность и жизнь, владыка подземного мира.

Угаритское предание об этих богах начинается с того, что Мот приглашает Баала в гости. Тот принимает это приглашение и гибнет, а Эл, узнав об этом, оплакивает Баала; Анат пускается на поиски Баала и находит его мертвым в подземном царстве. Совершив траурные обряды, Анат погребает своего брата и приносит обильные поминальные жертвы. Затем действие переносится во дворец Эла. Там появляется Анат и со злобной иронией предлагает верховному богу и его супруге Ашерат—главному врагу ее брата — радоваться гибели Баала. Видимо, и с жизнью-то расстался Баал по наущению этой коварной богини. Эл вместе с Ашерат решают сделать владыкой богов Аштара. Но Анат не может примириться с гибелью Алейана — Баала. Она требует, чтобы Мот отпустил его на землю. Мот не может этого

Баал с молнией в руках

сделать, и тогда Анат убивает его, рассекает на мелкие куски и рассыпает его останки на поле. Снова появляется Баал. Победив богов, поддерживающихся Аштара, он занимает свой трон. Следует борьба между Баалом и Мотом, которая заканчивается окончательным поражением бога смерти. Известны и некоторые другие предания, например о постройке храма Баала.

Финикийская модель святилища

Один из вариантов финикийской легенды о земледельческих богах нашел свое отражение в греческом предании об Адонисе. Финикийское *адон* или *адун* переводится на русский язык словами «господь», «господин». Родственные финикиянам по языку и культуре древние израильтяне также называли своего бога *адонай* — «господь мой». Значит, и в финикийском рассказе мы имеем дело не с именем собственным, а с условным обозначением божества. Адонис родился от пшеничного зерна, умер и после смерти попал в подземное царство. Владычица подземного мира не желает отпускать Адониса на землю, но богиня плодородия освобождает его. Возвратившись из подземного царства, Адонис возрождает на земле исчезнувшую было жизнь.

Култ Адониса был распространен по всей Финикии, где повсеместно справлялись ежегодные праздники в его честь. Торжественная процессия поднималась на Ливан, повторяя скорбный путь Адониса, женщины оплакивали гам его смерть, а затем все бурно радовались возвращению божества к жизни и начинающемуся обновлению природы.

Во II веке до нашей эры и в Александрии (Египет) торжественно отмечался этот же праздник, сопровождавшийся мистерией о страстях Адониса.

По представлениям финикиян, от богов зависели жизнь и благополучие как отдельного человека, так и всего города. Поэтому соблюдение культа было важным общегосударственным делом. На «высотах» — холмах, господствовавших над городами, — финикияне создавали святилища и храмы; таким был, например, храм Эшмуна в Сидоне. Финикийский храм обычно представлял собой площадку, расположенную под открытым небом. В центре ее либо находилось помещение, где, как предполагалось, обитало божество, либо лежал священный камень бетэль («дом бога»), либо было то и другое вместе. В храме имелся и священный источник или бассейн. По такому плану строились храмы во всех финикийских городах, а часто и в соседних странах за их пределами.

Как и земных владык, богов следовало задобрить приношениями и дарами. Чем богаче и обильнее они были, тем сильнее была уверенность в божьем благоволении. Недаром один из наиболее распространенных видов жертвоприношений так и назывался ола («возношение»)*, а другой — минха («подарок»).

Финикияне приносили и специальные жертвы — шеламим в возмещение божеству за его труды**. «Ты мне, я тебе» — таков был принцип, на котором строились взаимоотношения между людьми и их потусторонними властителями и покровителями. В жертву приносили крупный и мелкий скот, а также пшеницу и другие продукты земледелия. Все это жрецы сжигали на алтарях или поедали, причем к трапезе присоединялись и жертвователи. Считалось, что в пиршестве принимает участие и бог — незримый, но самый главный сотрапезник. С течением времени жрецы разработали точные правила жертвоприношений: какую именно

* По нашему мнению, обычный перевод «всесожжение» неточен, хотя он и отражает реальную процедуру принесения жертвы.

** Здесь мы должны сделать некоторые пояснения. Эти жертвы по-финикийски и по-древнееврейски именуются шеламим. Еврейское слово шалом (по-финикийски, видимо, шолум) обозначает «мир», «благополучие». Отсюда, казалось бы, очевиден и общепринятый перевод нашего слова «мирные». Но еврейский и финикийский корень шлм может иметь и другое значение — «отомстить», «возместить»; с ним и связано значение шеламим — «жертвы возмещения».

долю жертвы следовало сжечь, что отдать жрецу, а что жертвователь мог забрать с собой и унести. До нас дошел финикийский тариф жертвоприношений, который был найден на юге Франции, в Марселе — древней греческой колонии Массалии. Этот тариф был составлен, вероятно, в Карфагене около III века до нашей эры, а после его гибели был кем-то увезен за море.

Особый ужас вызывал у соседей финикийян их обычай — в исключительно важных случаях приносить в жертву своих малолетних детей. Это они делали, например, в момент смертельной опасности. Закладывая город, они считали необходимым положить под его стены урну с костями младенца, отданного богу. Иногда подобные жертвоприношения принимали массовый характер; известны случаи, когда в один прием было «пожертвовано» несколько сот детей. Урны с прахом погибших размещались на специальном священном участке, который назывался *тофет*. В древности принесение подобных жертв считали признаком чудовищной жестокости, будто бы свойственной финикийцам. Но это неверно. Принести в жертву собственного сына значило отдать божеству самое ценное, что есть у человека. В этом случае благоволение божества считалось наверняка обеспеченным. Изуверский характер этого обычая очевиден. Однако не менее очевидно и то, что его источником являются представления глубокой древности, возникшие задолго до появления у финикийян сколько-нибудь развитой цивилизации.

Мимо финикийских поселков шла приморская дорога, по которой из долины Нила в долину Тигра и Евфрата и обратно шли торговые караваны, сперва на ослах, а позже, приблизительно со второй половины II тысячелетия, и на верблюдах. Караванная торговля была далеко не безопасным занятием. Купцы, даже находившиеся под покровительством могущественных царей, всегда рисковали подвергнуться нападению, лишиться своих товаров, а возможно, и жизни. Вавилонский царь Буррабуриаш II в письме к фараону Аменхотпу IV (середина II тысячелетия) жаловался, что в финикийском поселении Хиннатуна некий Шумадда, сын Балумме, очевидно местный правитель, и Шутатна, сын Шаратума из Акко, убили и ограбили его купцов.

Природные условия позволяли финикийцам сочетать сухопутную торговлю с морской. Им был открыт прямой

доступ к Средиземному морю. Именно в финикийских городах было удобнее всего перегружать разнообразные товары, прибывшие на караванах из внутренних районов Сирии и Месопотамии, на корабли и везти их дальше. Именно отсюда легче всего было вывозить главное богатство Финикии — ливанский кедр.

Прибрежное морское течение в восточной части Средиземноморского бассейна направляется с запада на восток, а затем вдоль берегов Палестины и Сирии на север. Поэтому из финикийских портов обычно плавали в северном направлении. Однако финикияне плавали и на юг — в Египет, а также и прямо на запад — к острову Кипру. Оживленная торговля с Египтом и союз с Иудейско-израильским царством дали финикиянам возможность впоследствии проникнуть в бассейн Красного моря и оттуда выйти в Индийский океан.

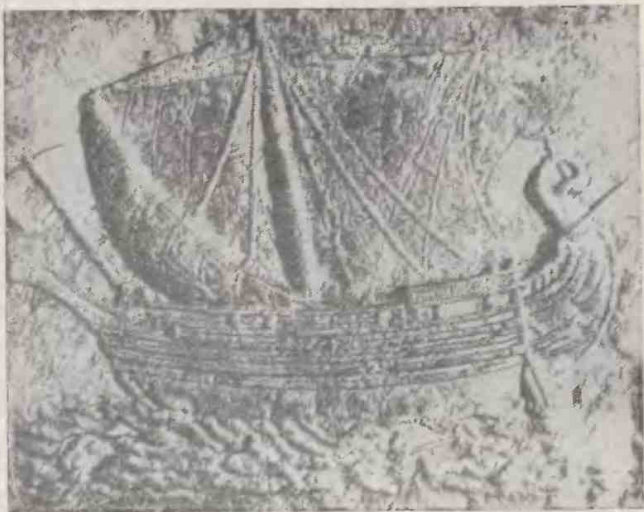
Библ первым установил контакты с Египтом, оказавшиеся очень устойчивыми. Даже египетские корабли, предназначенные для плавания на дальние расстояния, назывались библскими, очевидно потому, что их главной целью был Библ. Видимо, и библцы очень рано стали снаряжать экспедиции в Египет. Еще в IV тысячелетии до нашей эры в Египет привозился ливанский кедр. В царствование фараона Снефру в Египет прибыло сорок кораблей, груженных кедром. Египетские фараоны III тысячелетия, начиная от Хасехемуи и кончая Пиопи II, считали необходимым приносить дары «Великой хозяйке Библа», самый храм которой, впрочем, был построен по египетскому образцу. Один из видных египетских сановников времени VI династии, Хнемхотп, рассказывал в своей надписи, что он неоднократно бывал в Библе.

Морские путешествия считались в древности очень опасным делом. Самым неудобным для мореходов временем было, по общему мнению, лето (июль — сентябрь), когда в Средиземном море дуют сильные северные ветры. Весной, с февраля по май, также можно было ожидать опасных и внезапных изменений погоды. Наиболее безопасным был, как полагали, только период с конца сентября до конца ноября. Однако и тогда путешественник не был гарантирован от случайностей.

Древние писатели нередко рассказывают о бурях и штормах, уносивших утлые суденышки далеко от цели путешествия. Теряя управление судном и ориентировку, моря-

ки попадали в подобных случаях в далекие, часто прежде неизвестные страны. Это случилось, например, с греческим мореплавателем самосцем Колеем, который около 600 года до нашей эры отправился в Египет. По пути его корабль был отнесен сильным ветром к острову Платея (ныне остров Бамба) у берегов Северной Африки. Переждав там некоторое время, Колей снова пустился в путь в Египет, но ветер опять погнал его суденышко на запад. Неожиданно для себя Колей вместо долины Нила, куда он стремился, попал на юг Пиренейского полуострова, в государство Тартесс (в Библии и по-финикийски — Таршиш).

Мы даже знаем, как вели себя люди во время бури и что они делали для своего спасения. Об этом можно судить, например, по библейскому преданию. Бог Йахве приказал пророку Ионе отправиться в столицу Ассирии Ниневию и там объявить волю Йахве относительно ее судьбы. «И было, — читаем мы в библейской книге Ионы, — слово Йахве к Ионе, сыну Амиттайа, такое: встань, пойдь в Ниневию, город великий, и объяви ему, что я узнал об их злодействах. И поднялся Иона, чтобы убежать в Таршиш от Йахве, и сошел в Йаффу, и нашел корабль, идущий в Таршиш, и отдал плату за проезд на нем, и вошел на него, чтобы плыть с ними (моряками. — *И. Ш.*) в Таршиш от Йахве. А Йахве обрушил на море сильный ветер, и была большая буря на море, и корабль готов был развалиться. И увидели моряки, и возопили каждый к своим богам, и стали бросать вещи, бывшие на корабле, в море, чтобы облегчить его от них. А Иона спустился в глубь корабля и лег без чувств. И приблизился к нему капитан и сказал ему: что с тобой? ты без памяти? Встань, возопи к своему богу, может быть, подумает бог о нас и мы не погибнем. И сказали они (моряки. — *И. Ш.*) друг другу: пойдем бросим жребий и узнаем, из-за кого эта беда на нас. И бросили они жребий, и выпал жребий на Иону. И сказали они ему: поведай-ка нам, из-за кого эта беда на нас, что за дело у тебя, откуда ты идешь, что за страна твоя и из какого ты народа. И сказал он им: я — еврей, и Йахве, бога небесного, я испугался, того, что сотворил море и сушу. И убоялись эти люди страхом великим, и сказали они ему: что же ты наделал? Ибо узнали эти люди, что от Йахве бежит он, ибо поведал он им. И сказали они ему: что нам делать с тобой, чтобы утихло море перед нами, ибо море продолжает бурлить. И сказал он им: поднимите меня и бросьте меня в

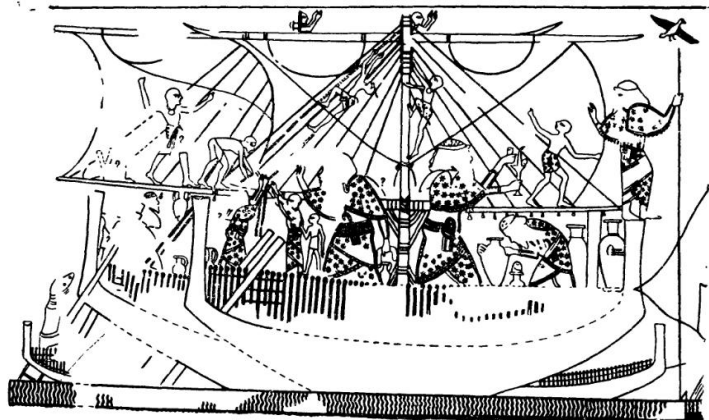
«Таршишский» корабль

море; и утихнет море перед вами, ибо я знаю, что из-за меня эта буря великая на вас. Стали грести эти люди, чтобы вернуться к суше, и не смогли, ибо море продолжало бушевать против них. И воззвали они к Йахве и сказали: о Йахве, да не погибнем мы за душу этого человека и не мсти нам за кровь невинного, ибо ты — Йахве, как тебе понравится, так ты и делаешь. И подняли Иону и бросили в море, и перестало море гневаться. И убоялись эти люди, и принесли жертвы Йахве, и дали обеты».

Бессильные в борьбе со стихией, древние люди рассчитывали только на милость богов, вызывавших, по их мнению, бурю. Не удивительно, что, даже умея ориентироваться по звездам, мореплаватели старались не упускать из виду берег. Даже поздние лоции, так называемые периплы, имевшие хождение у греков, содержали только перечисление населенных пунктов, мимо которых должны были проходить корабли, с указанием расстояний между ними.

Видимо, очень велики были доходы от морской торговли, если, несмотря на все опасности, финикийцы осмеливались пускаться в далекие плаванья.

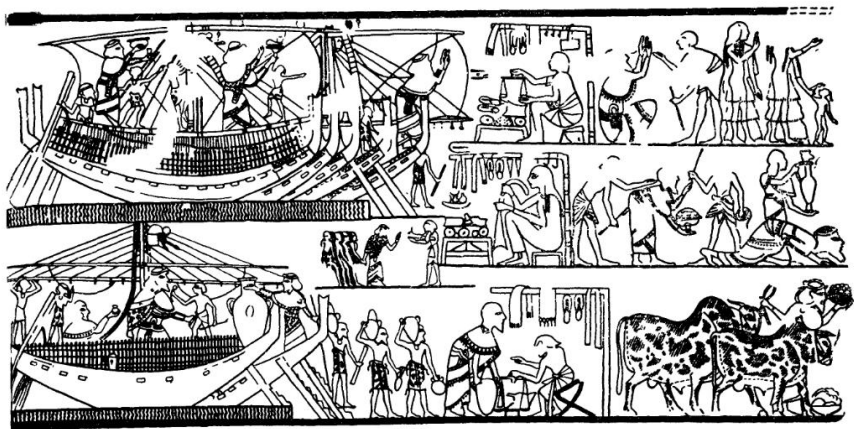
Потребности морской торговли очень рано превратили финикийские города в крупнейшие центры кораблестроения.

Финикийские корабли

В Тире было много верфей, на которых кроме самих тирян работали выходцы из других финикийских городов — Библа, Сидона и Арвада. Работа на верфях почти не прекращалась — ведь кораблей нужно было много. Спускали на воду одни суда, тут же закладывали другие, где-то в стороне на листе папируса, а то и на песке вычерчивали контуры третьих. Улыбающийся хозяин любезно встречал покупателей, а надсмотрщики подгоняли строителей криками, а иногда и палками.

Корабли, предназначавшиеся для перевозки грузов на сравнительно небольшие расстояния, в пределах восточной части Средиземноморского бассейна, строились, видимо, по образцу рыбацких лодок. Древнейшее изображение таких судов найдено в египетской гробнице середины II тысячелетия. Это были одномачтовые суда с небольшой осадкой, высоко поднятым носом и кормой и огромным четырехугольным парусом. Основу судна составляла продольная балка — киль, на которую наращивались шпангоуты, обшивавшиеся досками. Во избежание течи все щели между ними, очевидно, тщательно конопатились. Фальшборт делался несплошными. Каких-либо продольных или поперечных связей еще не было; фактически борта были соединены палубным настилом. Нос и корма образовывались с помощью специальных балок, прикреплявшихся к килю и располагавшихся вертикально по отношению к нему. Эти

в долине Нила

балки (форштевень в кормовой и ахтерштевень в носовой части) поднимались значительно выше бортов и палубы. Парус закреплялся на двух реях; нижняя рея была подвешена на многочисленных тросах и, когда парус свертывался, поднималась вверх. Такому парусу можно было придать любое положение по отношению к корпусу судна, что позволяло морякам в случае необходимости маневрировать. На корме находилось рулевое весло. Используя попутные течения, на таком судне можно было проделать путь от устья Нила до мыса Кармел за одни сутки; на обратную дорогу требовалось от восьми до десяти суток.

Свой груз — шерсть, древесину и оливковое масло в больших глиняных кувшинах купцы хранили на палубах. Были и другие товары, которые финикийцы привозили в Египет; на нашем рисунке изображены быки, груды золота и черные и белые рабы...

Видимо, уже во второй половине II тысячелетия финикийцы создали корабли, предназначавшиеся для дальнего плавания, — так называемые таршишские суда. Это название возникло потому, что страна Таршиш (уже упоминавшийся Тартесс, Южная Испания) считалась на Ближнем Востоке «краем света», чем-то вроде «тридевятого царства, тридесятого государства». Однако мы не знаем, что представляли собой «таршишские» корабли в этот период и каким было их устройство.

РОЖДЕНИЕ АЛФАВИТА

Бурное развитие торговли как сухопутной, так и морской постепенно привело финикиян к одному из величайших открытий в культурной истории человечества. Они создали линейное письмо, послужившее прототипом позднейших алфавитов, развившихся на его основе.

Толчком к изобретению этой письменности послужила, несомненно, потребность в упрощении графики. Дело в том, что в своей дипломатической переписке, а часто и в деловых документах финикияне употребляли аккадский (ассиро-вавилонский) язык и соответственно пользовались клинописью. Здесь, однако, они сталкивались с разного рода затруднениями. Во-первых, необходимо было специально изучать чужой язык, что само по себе достаточно нелегкое дело. Во-вторых, пишущий должен был затратить немало времени и на запоминание множества (до 600) клинообразных знаков, каждый из которых мог иметь по нескольку значений — либо как целое слово, либо как слог. Правильное их чтение определялось или контекстом, или специальными знаками, указывавшими, к какому типу предметов или явлений относится данное слово либо как оно произносится. Требовался, следовательно, большой штат писцов, занимавшихся только перепиской и делопроизводством. Разумеется, это не устраивало финикийских купцов. Ведь каждый лишний человек на судне был тяжелой обузой, и, что еще более существенно, купцы сами хотели вести свои дела, не доверяя свои коммерческие секреты никому постороннему.

Необходима была система письма, которая позволяла бы делать записи на родном языке и не тратить при этом много времени и сил на овладение грамотой. Одна из таких систем была разработана на базе клинописи в Угарите, на севере Финикии. Она получила широкое распространение и за его пределами, в том числе и в Палестине. В Южной Финикии, однако, возникло линейное письмо (видимо, одним из важнейших центров, где оно разрабатывалось, был Библ). Оно оказалось более жизнеспособным, чем угаритская клинопись. Последняя была пригодна только для письма на глиняных табличках; в других случаях пользоваться ею было крайне неудобно. Для линейного же письма годился любой материал.

1		2		3	4	
					а	б
алеф	א	א	А альфа	Α	Δ аз	Б буквы
бет	ב	ב	В бета	Β	Β веда	Ж живот
гимел	ג	ג	Г гамма	Γ	γ глаголь	З зело
далет	ד	ד	Д дельта	Δ	Δ добро	У ух
хе	ה	ה	Е эpsilon	Ε	ε есть	Ч цы
йау	ו	ו	Ф дигамма (ω)	Ϝ		У червь
зайин	ז	ז	Дзета	Ζ	ζ земля	Ш ша
хет	ח	ח	Н эта	Η	η иже	Щ ща
тот	ט	ט	Т тета	Θ	θ фита	Ъ ер
йод	י	י	Йота	Ι	ι и	Ы еры
каф	כ	כ	К kappa	Κ	κ како	Ь ерь
ламед	ל	ל	Л lambda	Λ	λ люди	Ъ ять
میم	מ	מ	М mu	Μ	μ мыслете	Ю ю
нун	נ	נ	Н nu	Ν	ν наш	Я я
самех	ס	ס	Кси xi	Ξ	ξ кси	Е е
айин	ע	ע	О omikron	Ο	ο он	А юс малый
пе	פ	פ	П pi	Ρ	ρ покой	Я юс большой
цаде	צ	צ				Я йотованный
коф	ק	ק	Q kappa	Q		Юс малый
реш	ר	ר	Р ro	Ρ	ρ рцы	Я йотованный
шин	ש	ש	Σ sigma	Σ	σ слово	Юс большой
тау	ת	ת	Т tau	Τ	τ твердо	
		Φ	Ф phi		Φ ферт	
		Χ	Х chi	Χ	χ хер	
		Ψ	Пси psi	Ψ	ψ пси	
		Ω	Омега omega	Ω	ω омега	

1. Классическое линейное финикийское письмо

2. Классический греческий алфавит

3. Классический латинский алфавит

4. Алфавит кириллицы (а - буквы, заимствованные из греческой письменности; б - буквы, заимствованные из латинского (S) и еврейского (ш) письма, а также изобретенные дополнительно).

Примечание: для удобства сравнения все буквы в алфавитах греческом, латинском и кириллице расположены в соответствии с порядком, принятым в северо-семитском (финикийском) письме.

В истории линейной графики еще много неясного. Предшественником линейного было, видимо, библское псевдоиероглифическое письмо. Можто утверждать, что каждый линейный знак имел свой псевдоиероглифический прототип. Однако дошедшие до нас псевдоиероглифические тексты пока еще не расшифрованы (хотя они, вероятно, были написаны по-финикийски), поэтому какие-либо определенные суждения о них были бы слишком смелыми и преждевременными. Вероятно, каждый знак псевдоиероглифики обозначал отдельный слог (всего их известно немногим более ста).

Как угаритская клинопись, так и южнофиникийское линейное письмо было построено на одинаковом принципе. Первоначально, по-видимому, каждый знак служил для изображения сочетания данного согласного с произвольно выбранным, а практически любым гласным или с «нулевым» гласным, то есть писался и в том случае, когда произносился только один согласный звук. В результате один и тот же знак мог быть прочитан, например, как «та», «ту», «ти», «то», «те» или просто «т». Таким образом, оказалось, что новая система письма фактически приспособлена только для обозначения тех согласных звуков, которые имеются в слове. В результате число знаков резко сократилось: линейное письмо насчитывает 22 буквы, а угаритская клинопись — немногим более. Казалось, такая система обеспечивает максимальные удобства для пишущего. Дело в том, что финикийский язык принадлежит к семитской языковой семье, все языки которой обладают одним любопытным свойством. Основное значение каждого слова здесь выражается определенным сочетанием согласных, которое выполняет ту же роль, что в индоевропейских языках, в том числе и в русском, корень. Для образования отдельных форм слова (имя, глагол в его различных формах и т. д.) наряду с обычными и для нас префиксами и суффиксами в семитских языках используются различные сочетания гласных. Так, например, понятие «говорения» выражается в финикийском языке, как и в иврите, сочетанием согласных *ДБР*. Но слово «говорящий» будет иметь форму *ДуБеР*, глагол «он сказал» — *ДиББеР*, существительное «слово», — вероятно, *ДаБоР*. Значит, написав определенное сочетание согласных, можно приблизительно обозначить то, о чем идет речь. А в большом, развернутом тексте уже сравнительно нетрудно, владея языком, установить

грамматическую форму, произношение и значение каждого слова.

Но и эта система письма была далеко не безупречна. Прежде всего финикийцы довольно часто, особенно в ранний период своей истории, не отделяли одно слово от другого, писали без так называемых словоразделителей (в нашем письме таким словоразделителем служит пробел между словами). В результате человек, не знающий заранее, о чем идет речь, практически не мог определить, где кончается одно слово и начинается другое. Поэтому финикийцы постепенно пришли к выводу, что каждое слово должно писаться обособленно от остальных; отделяли они его по-разному. Но и этого было не вполне достаточно. Даже хорошее знание языка не всегда гарантировало точное понимание смысла слова, потому что одно и то же сочетание согласных могло иметь практически несколько значений, а понимание развернутого, большого текста могло оказаться в прямой зависимости от интерпретации именно данного сочетания согласных. Тогда финикийцы решили, если уж и не обозначать все гласные на письме, то по крайней мере как-то сигнализировать читателю о том, как следует читать то или иное слово. Для этого вовсе не обязательно было выписывать все гласные: так как сочетание гласных в каждом слове было строго определено, достаточно было указать на один из них, чтобы стало ясно, какой гласный стоит в другом слове этого же слова.

Финикийцы изобрели для удобства читателей специальную систему «вспомогательных знаков», в роли которых выступали некоторые буквы, более или менее похожие по своему произношению на данный гласный звук. Например, писали «*й*» для того, чтобы обозначить звуки «у» и «о». Буква «*й*» обозначала гласные «и» и «е». Были и другие приемы такого же рода. Впрочем, какие-либо твердые правила обозначения и необозначения гласных на письме выработаны не были. Каждый раз это зависело исключительно от желания пишущего. Поэтому стали возможными два типа написания одного и того же слова — полное, когда указан способ его произношения, и дефектное, когда выписывались только согласные.

Когда финикийцы проникли в бассейн Эгейского моря и греки познакомились с их письменностью, она привлекла их своей легкостью и простотой. Сложное слоговое микенское письмо, бывшее в ходу в Элладе в середине и второй

половине II тысячелетия до нашей эры, к этому времени (конец II и начало I тысячелетия) уже прочно забылось. Только на Кипре иногда пользовались его местной разновидностью. Однако греки не механически заимствовали финикийское письмо, а заметно усовершенствовали его в соответствии с потребностями своего языка. И дело здесь не только в том, что они ввели некоторые дополнительные буквы, отсутствовавшие у финикийян, или слегка изменили форму уже имевшихся. Греки внесли и определенные принципиальные изменения, создав специальные знаки для обозначения всех гласных звуков. Для этой цели они использовали знаки финикийского письма, обозначающие «гортанные» звуки, отсутствующие в греческой речи, а также «вспомогательные» знаки, указывавшие на гласный компонент слога. В отличие от финикийян греки разработали более или менее строго выдерживавшуюся систему, согласно которой каждый гласный звук мог быть обозначен только одним способом.

Так, благодаря совместным усилиям финикийян и греков было создано алфавитное письмо, позднее заимствованное этрусками и италиками, усовершенствованное римлянами и легшее в основу графики, употребляющейся всеми европейскими и подавляющим большинством неевропейских народов. Русский алфавит, созданный на базе греческой письменности, как известно, имеет те же финикийские корни.

ФИНИКИЙЯНЕ ИДУТ НА ЗАПАД

Во II тысячелетии до нашей эры и, вероятно, ранее Финикия представляла собой группу небольших городов-государств, управлявшихся царями (хотя известны случаи и республиканского правления), наряду с которыми важнейшие вопросы решали совет старейшин и народное собрание. Впрочем, насколько реальной была власть этих органов, зависело каждый раз от соотношения сил между различными группами населения.

Все финикийские города-государства владели более или менее обширной сельскохозяйственной территорией, где жила основная масса их населения. Из царских архивов города Угарита (Северная Финикия, вторая половина II ты-

сячелетия), содержащих множество разнообразных деловых документов, известно, что подавляющее большинство населения этого города-государства жило в деревнях и занималось земледелием. Там существовали две группы земельных владений: царские и частные. Царь раздавал принадлежавшие ему земли своим приближенным или в качестве жалованья за службу, или при условии выполнения какой-либо повинности. Иногда царское пожалование превращалось в пустую формальность, так как фактически царь продавал свою землю. Владельцы частных земель, которые обычно концентрировались вокруг поселков, могли покупать и продавать свои участки; это значит, там во второй половине II тысячелетия бесспорно существовала уже частная собственность на землю. Так было, по-видимому, и в других финикийских городах-государствах. Надпись на медной табличке из Библа (XII в.) свидетельствует о том, что в этих государствах, возможно, было наследование собственности в пределах семьи.

Нам известны имена некоторых правителей Библа конца XIX — начала XVIII века: Ипшемуаби, сын Ибшему, и Интен, сын Рейена. Они оставили надписи на египетском языке, в которых называли себя номархами — чиновниками фараона. Интен даже имел печать с египетской надписью. Видимо, Библ в этот период не только находился под властью египетского царя, но и считался неотъемлемой составной частью египетской территории. Его цари из независимых владетелей превратились в наследственных областных начальников. То, что Библ стал владением Египта, не удивительно. Финикия была слишком завидной добычей, египетские фараоны неоднократно предпринимали туда походы (они называли эту страну Джахи) и в конце концов установили над нею свое более или менее прочное господство. Библ поддерживал тесные дипломатические связи с государствами Северной Месопотамии, например с Мари.

Документы из архива египетского фараона Аменхотпа IV, найденные среди развалин его столицы Ахетатона (современная Телль эль-Амарна), которые датируются началом второй половины II тысячелетия, позволяют глубже разобраться в политической ситуации этого периода. Перед нами возникает сложная и довольно запутанная картина, в которой социальные движения внутри финикийских городов переплетаются с борьбой отдельных городов между собой за первенство, вторжениями кочевников и фиктив-

ным во времена Аменхотпа, но формально признаваемым верховным господством Египта, к которому все правители наперебой обращаются с уверениями в преданности, обвинениями и доносами на своих политических противников, а также многочисленными просьбами о помощи.

Так, например, царь Библа Риб-Адди столкнулся с бунтом жителей подвластных ему городов. Они воспользовались вторжением из сирийской степи кочевников-хапиру, чтобы добиться победы. С моря Библ был осажден флотом, прибывшим из северофиникийского города Арвада. Положение Риб-Адди было настолько тяжелым, что в одном из писем он осмелился угрожать фараону: он, Риб-Адди, откажется от защиты интересов Египта и вступит в союз с врагом Египта — правителем Северной Сирии Абдиаширтой, если фараон ему не поможет. Судорожные попытки Риб-Адди сохранить свою власть над осажденным, голодавшим, бунтовавшим Библом не увенчались успехом. Он даже отправился за помощью в Берут (современный Бейрут; в древности назывался также Берит), но когда вернулся, горожане не открыли ему ворота. Библ, таким образом, попал в руки противников Риб-Адди, поддержанных народом. Во главе заговора стоял его собственный брат, видимо тот самый Илирабих, который позже от себя и от имени народа Библа писал письма фараону, уверяя его в своей преданности.

Такие же события происходили и в Тире. Там граждане убили своего царя Абимильки и установили демократический режим с явно антиегипетской политической ориентацией. Основным противником Тира был царь Сидона Зимриэда, которому удалось захватить на побережье город Усу, важнейшую базу Тира, и лишить его воды и продовольствия.

После смерти Аменхотпа IV и прихода к власти фараонов XIX династии положение несколько изменилось. Походы фараонов Харемхеба и в особенности Сети I в Переднюю Азию способствовали разгрому кочевников-хапиру и восстановлению реальной власти Египта, в том числе и в Финикии. Однако в конце XIII — начале XII века финикийские города снова, и на этот раз надолго, обретают политическую независимость.

Во второй половине II тысячелетия морская торговля продолжала занимать видное место в жизни финикийских городов. До нас дошло письмо тирского царя царю Угарита

по поводу гибели по пути в Египет угаритского судна. В другом случае мы узнаем, что корабль, принадлежащий царю Библа, захвачен пиратами и выкупается, видимо, вместе с грузом за 540 сиклей * серебра.

Известно, что царь Библа предоставлял свои корабли для доставки груза в Угарит; стоимость фрахта составляла 50 сиклей золота. В одном из неопубликованных документов из Угарита говорится о том, что там снаряжаются для каких-то целей 150 кораблей.

Самыми значительными городами Финикии в последней четверти II тысячелетия продолжали оставаться Библ и Тир.

В XIII веке царем Библа был Ахирам. Его сын Этбаал, царствовавший после смерти отца, воздвиг для него гробницу и на пышном саркофаге, где был похоронен покойник, приказал высечь надпись, предостерегающую людей от попыток открыть саркофаг, уничтожить его или выбросить покойника. В этой надписи, вопреки обыкновению, отсутствует имя отца царя Ахирама, видимо потому, что отец Ахирама не был царем. Может быть, Ахирам пришел к власти в результате государственного переворота.

Библ по-прежнему сохранял и свое положение крупного поставщика кедра. Только этим да еще сознанием, что Библ свободен от чужеземного гнета и может постоять за себя, можно объяснить высокомерие, с которым его правитель Закарбаал (XI в.) отнесся к посланцу Египта Ун-Амуну, прибывшему к нему за строительным лесом. Однако в середине X века Библ уже находился под властью Тира. Несомненно, именно по приказанию тирского царя ремесленники из Библа участвовали в строительстве Соломонова храма Иахве в Иерусалиме.

К тому времени, судя по всему, наиболее значительным городом Финикии был Тир. Его царь Хирам, современник иудейско-израильского царя Соломона, известен прежде всего своей строительной деятельностью. Рядом с островом, на котором был расположен город, он соорудил насыпь и, таким образом, значительно расширил территорию города. Он перестроил и старинные храмы Мелькарта и Аштарт. Все это должно было свидетельствовать о благополучии и процветании Тира. Хирам поддерживал тесные связи с

* Сикль — мера веса и одновременно денежная единица; как мера веса составляла около 160 г.

Иудейско-израильским царством, оказывал помощь в постройке храма и поставлял для этой цели, разумеется не безвозмездно, лес. Хирам даже разрешал Соломону раз в три года отправлять вместе со своими и его корабли в Тартесс, на крайний запад Средиземноморского бассейна. Их корабли выходили и за пределы Красного моря. Именно возможность проникнуть в Индийский океан особенно привлекала царя Тира в союзе с юго-восточным соседом.

Вообще Финикия и прежде всего Тир оказывали значительное влияние на культуру соседних народов Сирии и Палестины. Об этом лучше всего свидетельствует распространение повсеместно финикийского письма, вытеснившего все местные системы графики. Линейный алфавит проник даже за Иордан: имеются моавитские надписи и печати аммонитян*, выполненные в первые века I тысячелетия линейным письмом.

При Хираме Тир был несомненно сильным государством, вероятно центром обширной колониальной державы. Однако после его смерти в Тире наблюдается резкое обострение борьбы между отдельными группировками знати, которая сопровождалась непрерывными государственными переворотами. Внук Хирама, царь Абдашарт, был убит сыновьями его кормилицы, старший из которых, узурпировав власть, процарствовал 12 лет. По-видимому, после его кончины власть снова оказалась в руках законной династии, судя по тому, что следующий царь в дошедшем до нас списке царей Тира назван не только по имени, но и по отчеству: Аштарт, сын Делеаштарта. Но уже брат этого последнего и преемник, Аштарим, был убит своим братом Фелитом, процарствовавшим всего восемь месяцев, а тот в свою очередь пал от руки жреца Этбаала (Итобаала), захватившего царскую власть. Иногда эта борьба отражала не только соперничество знатных родов, но и конфликты между народными массами и аристократией.

Случались в Тире и волнения рабов. У античных историков сохранилось предание о победоносном восстании рабов в Тире. Вот как его излагает Юстин, один из поздних римских историков: «Они, составив заговор, перебили

* Моавитяне и аммонитяне — ханаанские народности, населявшие в конце II — первой половине I тысячелетия до нашей эры территорию современной Иордании (восточнее реки Иордан).

весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя не имели на это права *, объявили об освобождении рабов». Затем следует обычное для греко-римской историографии рассуждение о том, что рабы, сами якобы не способные управлять государством, оказались вынужденными провозгласить царем одного случайно уцелевшего свободного. Насколько этот рассказ достоверен, сказать трудно. Но, очевидно, все же он имеет под собой какую-то реальную основу.

Постепенно Тир лишался своих владений. Уже в IX веке Библ опять стал самостоятельным. Там пришла к власти новая царская династия, основателем которой был Йехимилк.

Наиболее значительным событием финикийской истории конца II и начала I тысячелетия была колонизация финикийцами обширных территорий на западе Средиземноморского бассейна. Но, говоря об этом, мы должны немного вернуться назад.

Еще в середине II тысячелетия мы встречаем финикийцев не только на южном берегу Кипра, где они к тому времени уже создали несколько своих опорных пунктов, но и в Эгейском бассейне. По счастливой случайности мы знаем даже имя одного угаритского купца XIII века, чьи суда систематически ходили на остров Крит: его звали Синарану, сын Сигину. В произведениях греческих писателей, а также в памятниках народного творчества — «Илиаде» и «Одиссее» — финикийцы неоднократно выступают в колоритной и не всегда благовидной роли мореплавателей и пиратов-торговцев.

В погоне за рабами, предназначавшимися для продажи, они не останавливались и перед самым настоящим вероломством: похищением людей, доверчиво пришедших за покупками на их корабли. Вот как, например, Геродот пытался объяснить причину вражды между эллинами и азиатскими «варварами»: «Персидские рассказчики говорят, что финикийцы были виновниками раздора. Они от так называемого Эритрейского моря явились на это (Средиземное. — И. Ш.) море и заселили ту страну, где и теперь обитают; тогда же

* Букв.: «хотя сами таковыми (т. е. свободными. — И. Ш.) не были». Юстин хочет сказать, что, будучи по происхождению рабами и не получив формального освобождения, повстанцы не могли провозглашать чью бы то ни было свободу.

они стали предпринимать дальние плаванья, везя египетские и ассирийские товары, и приходили в разные места, в том числе и в Аргос. Аргос в то время был первым из всех городов в стране, ныне именуемой Элладой. Финикияне, явившись в Аргос этот, разложили товар. А на пятый или шестой день, когда они распродались почти целиком, на море пришли много разных женщин и среди них царская дочь; звали ее, как говорят и эллины, Ио, дочь Инаха. Она стояла на корме корабля и покупала товары, которые ей больше всего нравились, а финикияне, сговорившись, напали на нее. Большинство женщин убежали, а Ио и другие были захвачены. Погрузившись на корабль, финикияне поторопились отплыть в Египет».

Такая же судьба постигла на острове Ортигия (недалеко от Сицилии) одного из рабов Одиссея, Евмея, — царского сына у себя на родине и «божественного» свинопаса на далеком острове Итака. Сам легендарный Одиссей, рассказывая о приключениях, которые он себе приписал, не желая открыть настоящего имени, говорил:

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало...
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно
сбудем,

Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там
замыслил.

Нечего сказать, характеристика незавидная! Но вот что интересно: финикияне повсеместно фигурируют как мореплаватели, совершавшие переходы из конца в конец Средиземного моря. Из Аргоса они плывут в Египет, из Египта через Тир в Ливию (Северную Африку), от берегов Сицилии в Элладу.

Впрочем, и сами греки многое делали для освоения средиземноморских торговых путей. Еще в середине и во второй половине II тысячелетия до нашей эры греки нащупывают, а затем и осваивают пути на восток — вдоль побережья Малой Азии, на Кипр и в Финикию. Изделия греческих гончаров привлекали к себе внимание необычно живыми красками, ярким свободным рисунком. Они легко находили покупателей и не только в приморских городах, но даже и в далеком Заиорданье. Надо сказать, что, открыв

для себя столь емкий рынок, греки пытались и прочно обосноваться на нем: в Угарите имелась их торговая база. В первые века I тысячелетия они создают на финикийском побережье свои колонии — одну на месте современного поселения Эль-Мина, а другую на городище Телль Сукас.

Финикияне были достойными соперниками греков. Один из маршрутов финикиян вел на север Эгеиды, возможно даже в Черное море. На острове Фасосе, унылом и диком, по описанию известного греческого поэта VIII века Архилоха («Словно беды всей Эллады в нашем Фасосе сошлись», — писал он), финикияне открыли железную руду и начали ее разработку. Чтобы закрепиться там, они построили храм Мелькарта (значит, тирийцы играли среди них ведущую роль) и, видимо, небольшое поселение около него. Да и в самом Тире существовал храм Мелькарта Фасосского, несомненно покровителя фасосских рудокопов. Геродот, посетивший Фасос в V веке до нашей эры, нашел, однако, только следы рудника, построенного чужеземными колонистами; он писал, что в поисках металла финикияне разрыли целую гору.

Именно здесь, в Эгеиде, финикияне прослышали о том, что на далеком западе, возле того места, где море узким проливом, зажатым между двумя скалами, стоящими друг против друга, соединяется с безбрежным океаном, есть удивительная страна, откуда иногда привозят дорогие металлы — олово и серебро — и где люди не знают им настоящей цены.

Туда за богатой добычей, за прибыльным товаром они и отправились. Их корабли были нагружены, как обычно, оружием из бронзы, душистыми маслами для натираний, тонкими роскошными тканями и главным образом разной мелочью, которой торговцы надеялись соблазнить жителей этой далекой страны. Правда, они застали на Пиренейском полуострове не столь «дикий» народ, как думали. Там уже складывалось государство (мы упоминали его — это Таршиш), и его правители не были склонны уступить финикиянам все выгоды от торговли металлами. Все же финикиянам удалось завязать прочные связи с иберами, как называли обитателей полуострова. Приобретая у них металлы, финикияне везли их на восток — в Сицилию, Грецию, Азию — и наживали большие деньги. Древние писатели, буквально захлебываясь от восторга и зависти, говорят о громадных прибылях, которые приносила финикиянам эта торговля.

Финикияне, насколько нам известно, регулярно совершали плаванья на дальний запад Средиземноморья. Но важно было не только освоить этот торговый путь. Теперь нужно было закрепить на нем: создать на всем его протяжении цепь финикийских поселений, которые могли бы служить базами для проходящих на запад кораблей, а также опорными пунктами при военных конфликтах.

Самая первая колония тирийцев в Западном Средиземноморье была создана за Гибралтаром на африканском берегу при впадении реки Ликс (современный Луккус) в Атлантический океан. Однако это поселение (оно также называлось Ликс) находилось в стороне от торговых путей в Южную Испанию. Колонисты же, как, впрочем, и тирские купцы, были заинтересованы в том, чтобы закрепить непосредственно на ее побережье. В результате на юге Пиренейского полуострова возник город Гадес (современный Кадикс). Вот что пишет об этом поздний греческий географ Страбон: «Об основании Гадеса так рассказывают гадитане. Они упоминают о некоем предсказании, которое было, как они говорят, тирийцам, чтобы те выслали колонию к Геракловым Столпам (Гибралтарскому проливу. — *И. Ш.*). Те, что были посланы для разведки, после того как они оказались у пролива напротив Калпы, решили, что горные вершины, образующие пролив, это и есть конец обитаемого мира и предел походов Геракла и что именно их и скалы и имел в виду оракул, дабы они обосновались в некоей стране, среди теснин, где ныне город экситан*. Там они принесли жертвы, но, так как те были неблагоприятны, они повернули назад. Некоторое время спустя экспедиция прошла залив на тысячу пятьсот стадий** и вышла к острову, на котором находится святилище Геракла, против иберийского города Онобы. Они решили, что там находятся Столпы, и принесли жертву богу, но, так как снова жертвоприношения были нехорошими, они вернулись обратно. Прибывшие с третьим отрядом основали Гадес и построили святилище на восточной стороне острова, а город — на западной. Поэтому некоторые полагают, что скалы пролива — это и есть Столпы, другие, — что это Гадес, а третьи распо-

* Одна из финикийских колоний на юге Испании *Экситане* — его жители.

** Стадий — единица измерения расстояний в древних системах мер. Встречаются разные значения стадий, например стадий вавилонский равен 194 м, птолемеевский и римский — 185 м и др.

лагают Столпы еще дальше за Гадесом». На этот счет были в древности и другие мнсения, однако их разбор не входит в нашу задачу.

Так финикияне первыми в истории человечества пришли с крайнего востока Средиземноморья на крайний запад. Этот сложный по тем временам и полный опасностей морской путь обычно занимал семьдесят шесть дней. Важным опорным пунктом финикиян на этом пути стала Сицилия. Очень рано они создали там на различных мысах и прибрежных островках свои торговые фактории. В конце II — начале I тысячелетия они появились в Сардинии и Северной Африке. В 1112 году до нашей эры тирийцы отправили в Северную Африку экспедицию, состоявшую в основном из молодых людей, и основали там город Утику. Этот город постепенно превратился в крупный торговый центр и даже пытался в X веке обрести политическую независимость. Тирский царь Хирам воевал с жителями этого города, когда они отказались платить подати.

Несколько позже Утики финикияне построили в Северной Африке еще три крупных города — Гиппсн, Хадрумет, Лептис — и прочно обосновались в Западной Сицилии и Сардинии.

Однако самым важным финикийским центром на западе стал Карфаген. Место, на котором он был основан, в глубине Тунисского залива, уже давно было облюбовано финикийскими мореходами. Во время своих плаваний к Таршишу они постоянно заходили туда, укрываясь от непогоды, и даже устроили в этом пункте небольшое святилище. Но только в 825 году здесь был заложен новый большой город.

Это было тревожное время... Только что умер в Тире царь Муттон, завещавший перед смертью власть своим детям — Пигмалиону, тогда еще ребенку, и Элиссе — уже взрослой, готовившейся стать фактической правительницей города. Они должны были властвовать вместе, но никто из них не хотел довольствоваться своей долей влияния. Каждый стремился стать единоличным хозяином города. Царевна, видимо, заручилась поддержкой жрецов и крупной аристократии. За Пигмалионом стояли народные массы. Именно ему, как писал Юстин, «народ... передал царствование». Видимо, это произошло на народном собрании. Однако царевна, выйдя замуж за одного из богатейших и влиятельнейших людей в Тире — Ахербу, верховного жреца бога

Мелькарта, и, пользуясь его связями, собиралась снова начать борьбу. Только решительные действия Пигмалиона ей помешали: Ахерба по его приказанию был убит. Потеряв надежду на успех, Элисса решила бежать куда глаза глядят. После длительного плавания она и верные ей члены совета прибыли туда, где собирались начать новую жизнь и основать новый город.

Юстин так излагает местные легенды о его основании: «Элисса, занесенная на берег Африки, склонила к дружбе обитателей этого места, радовавшихся прибытию чужеземцев и взаимному обмену товарами. Затем она купила участок, который можно было бы покрыть шкурой быка, будто бы для того, чтобы восстановить силы спутников, утомленных долгим плаванием, прежде чем они отправятся далее. Шкуру она приказала разрубить на тончайшие куски и так заняла большее пространство, чем просила. Поэтому впоследствии это место называли Бирса... При закладке первых зданий была найдена голова быка. Это сочли предзнаменованием хотя и процветающего города, но многострадального и постоянно пребывающего в рабстве. Поэтому город был перенесен на другое место. Найденная там голова коня, означавшая, что народ будет воинственным, могучим, указала городу счастливое место».

Возникший на холме Бирса — очень хорошем естественном укреплении — и на прилегающем к нему морском берегу небольшой на первых порах поселок был назван Новым городом (по-финикийски Картхадашт; в русской литературе обычно употребляется название Карфаген, происходящее от латинской формы этого названия Carthago). Постепенно он разрастался; его удобное положение привлекало к нему массу переселенцев, причем не только финикийян, но и греков, италиков и этрусков. Его важнейшей достопримечательностью стали многочисленные верфи и судоремонтные мастерские, где работали государственные и частные рабы. Долго строили карфагеняне искусственный порт — *котон*. Там корабли могли укрыться от непогоды более надежно, чем в естественной гавани. Порт состоял из двух частей, соединенных между собой небольшим узким протоком: военного порта, имевшего форму почти правильного круга, и прямоугольного гражданского. Посредине военного порта помещался искусственный остров, где находилось управление командующего флотом и начальника гавани. Карфаген рано стал одним из самых оживленных

портов того времени. Лес мачт со свернутыми парусами — вот что видел каждый, кто смотрел на город со стороны моря.

ЗАГАДОЧНАЯ СТРАНА ОФИР

Продвижение финикиян к югу Красного моря, как уже упоминалось, стало возможным прежде всего благодаря союзу Тира с Иудейско-израильским царством. Правители этого царства длительное время вели активное наступление на юг Палестины, стремясь захватить и удержать район, где сейчас расположены иорданский порт Акаба и израильский Эйлат. Этот район славился богатейшими залежами меди, которая добывалась, вероятно, уже в конце II тысячелетия, и к тому же представлял собой естественную гавань, открывающую доступ к Красному морю.

Именно здесь, на месте холма, который местные кочевники арабы называют Телль Хелейфе, по приказанию царя Соломона в X веке до нашей эры был построен порт Эционгебер. Как показали раскопки, он был окружен мощной оборонительной стеной толщиной до 2,5—3, а в некоторых местах и до 4 метров; высота стены, как полагает известный американский археолог Нельсон Глюк, достигала почти 8 метров. На ее южной стороне, вблизи юго-западного угла, находились обращенные к морю главные ворота города. Сложная система укреплений защищала город от нашествий врага и, кроме того, помогала держать в узде покоренное население, постоянно бунтовавшее и стремившееся сбросить чужеземный гнет.

Именно отсюда Соломон и Хирам отправили совместную морскую экспедицию на юг Красного моря. «И корабль построил царь Соломон в Эционгебере, что вблизи Элота (современного Эйлата. — *И. Ш.*), у берега Красного моря, в стране Эдом. И послал Хирам на корабле рабов своих — моряков, знающих море, с рабами Соломона. И прибыли они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать киккар *, и доставили царю Соломону», — читаем мы в библейском историческом повествовании. Всего на двух кораблях было привезено немногим менее 250 тонн золота. После

* Киккар — мера веса, равная 58,9 кг. В киккаре было 60 мин, что составляло 3600 сиклей.

этого плавания экспедиции в Офир, очевидно, следовали одна за другой. Офирское золото много раз фигурирует в текстах Библии; до нас дошел и один древнееврейский документ VIII века до нашей эры, в котором упоминается золото из Офира, предназначенное для доставки в город (или, возможно, святилище) Бет-Хорон. Кроме золота оттуда привозили драгоценные сорта дерева и камня.

Хотелось бы, однако, выяснить, где находился этот таинственный Офир. Древнему читателю, разумеется, не нужно было ничего объяснять: он и так все знал. Но именно поэтому современные исследователи вынуждены теряться в догадках. Офир помещали на всем обширном пространстве вдоль азиатского берега Индийского океана — в Южной Аравии, Индии, на Цейлоне и даже на Малаккском полуострове. Все эти предположения невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Говорят, Офир не мог быть расположен в Южной Аравии потому, что она была связана с Сирией и Палестиной сухопутной караванной дорогой. Но разве нельзя было проложить туда и морской путь? Утверждают, что население Индии не позволило бы чужеземцам добывать и вывозить свои сокровища. А откуда известно, что бы стали делать жители Индии три тысячи лет назад? Ведь никаких конкретных обстоятельств мы не знаем. Вообще доводы, начинающиеся стандартной фразой «трудно себе представить, что...», кажутся при серьезном рассмотрении научных проблем неуместными. По мнению другой группы исследователей, Офир находился где-то в Африке — либо в районе Зимбабве, либо в золотоносных районах Нила, у границ Эфиопии. Однако никаких следов финикийян в этих местах не обнаружено. Пока можно сказать только одно: страна Офир лежала где-то на берегу Индийского океана; пути к ней вели через Красное море.

Что же касается связей с Южной Аравией, то они, очевидно, поддерживались систематически. В городе Бет-Эль (Палестина) найдена южноарабская печать, датируемая X—IX веками до нашей эры. В Библии неоднократно упоминаются сабейцы*, которые по сухопутным путям доставляют в финикийские города благовония и вывозят оттуда рабов.

* Сабейцы — одна из народностей, населявших в древности Южную Аравию.

«СИДОН Я НИСПРОВЕРГ И КАМНИ БРОСИЛ В МОРЕ»

В. Брюсов

Период IX—VII веков до нашей эры был в истории финикиян до известной степени переломным. Как раз в это время те финикийские колонии на западе, которые не имели политической независимости, обрели ее, а затем вошли в состав могущественной Карфагенской державы. С этого момента пути восточных финикиян и их судьбы разошлись с путями и судьбами финикиян западных.

Восточные финикияне в этот период постоянно подвергались нашествиям ассирийских завоевателей, грабивших и разорявших покоренные территории, накладывавших на местное население тяжелые поборы и повинности. Для упрочения своего господства царь Тиглатпалассар III учредил во второй половине VIII века в северной части Финикии наместничество, избрав для него центром сравнительно незначительный город Симиру.

В крупнейшие финикийские города, такие, как Тир и Сидон, ассирийские власти назначили специальных сборщиков податей. Особенно тяжелым и разорительным был налог на рубку ливанского кедра, предназначавшегося для продажи. Впрочем, ассирийцы запрещали вывозить кедр за пределы своей державы — в Египет и Палестину. Не мудрено, что притеснения сборщиков налога вызвали сильнейшее возмущение в Тире и Сидоне; уже в 30-х годах VIII века там происходят бунты, жестоко подавленные завоевателями.

И тем не менее финикийским городам-государствам удалось сохранять свою внутреннюю автономию, в том числе и своих местных царей там, где они были, хотя, естественно, ассирийцы и старались повсеместно делать правителями своих ставленников. Вот, например, как складывалась в этот период политическая ситуация в Тире. По-видимому, он был центром государства, включавшего обширные территории как на азиатском материке, так и на Кипре. Достаточно сказать, что он осуществлял в какой-то форме власть даже над Сидоном.

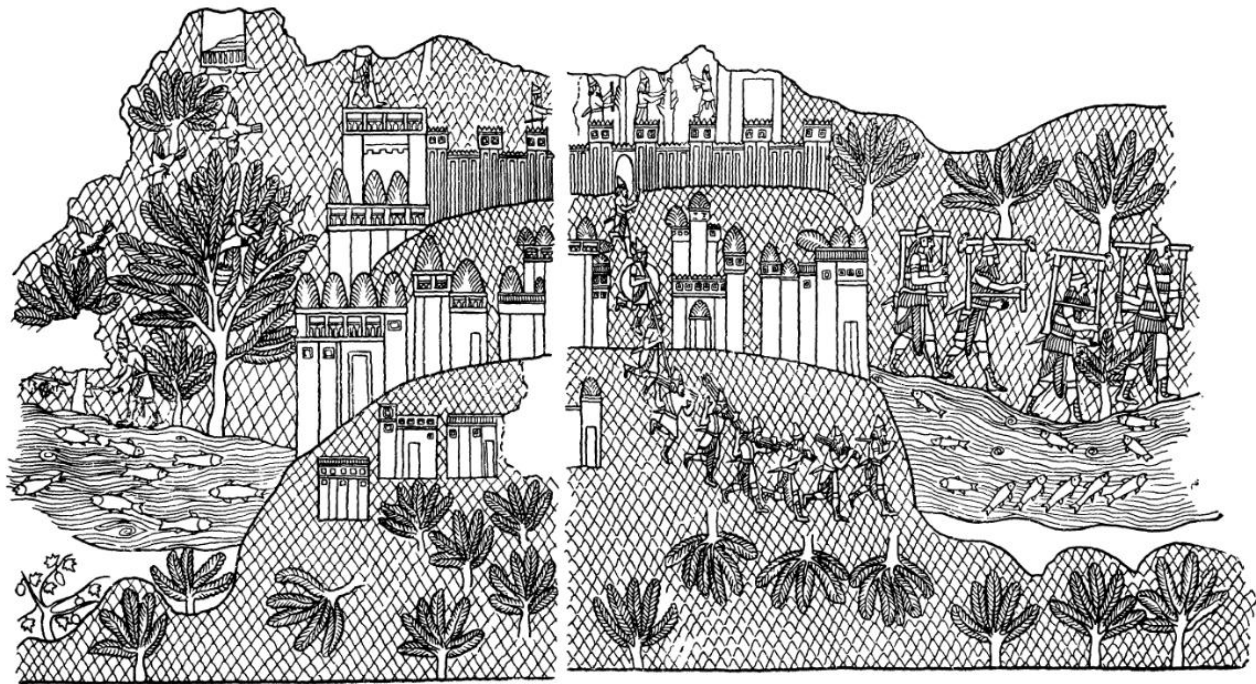
Тир поддерживал тесные дружеские связи с Дамасским царством и древним Израилем. Как известно, дамасский

царь Бар-Хадад (первая четверть IX в.) даже счел возможным соорудить специальную надпись в честь тирского бога Мелькарта. Союз Тира с Израильским царством был скреплен узами династического брака (израильский царь Ахав был женат на Изевели, дочери тирского царя Этбаала). Это позволило Тиру в середине IX века оказывать определенное влияние на политическую жизнь палестинских государств.

Самостоятельность Тира, его стремление держаться независимо по отношению к ассирийским властям приобрели вызывающий характер. Тирский царь Элулай даже совершил в середине VIII века поход на Кипр, чтобы усмирить бунтовавший Китион — крупнейший финикийский центр на этом острове. Поход Элулая побудил ассирийского наместника царевича Салманассара продемонстрировать беспокойным подданным силу ассирийского меча.

Все города Южной Финикии, находившиеся под властью Тира, в том числе и Сидон, приняли сторону ассирийцев, видимо не только потому, что опасались расправы, но и потому, что, избавившись от тирского «посредничества», рассчитывали приобрести несколько большую политическую самостоятельность. Они предоставили в распоряжение ассирийского наместника свой флот для нападения на Тир с моря. Однако тирянам удалось разгромить значительно больший, чем их собственный, объединенный флот противников. После этой неудачи Салманассар, став, очевидно, к тому времени уже царем, начал планомерную осаду Тира с суши, изолировав его от источников водоснабжения; целых пять лет тиряне были вынуждены пользоваться не привозной водой, как обычно, а водой из вырытых на острове колодцев. Воды не хватало. Завершил осаду и «умиротворил» Тир Саргон II, свергнувший Салманассара в 722 году.

Примерно через двадцать лет, в 701 году до нашей эры, новый ассирийский царь Синаххериб предпринимает поход, целью которого было покорение бушующей Южной Финикии. На этот раз центром антиассирийских выступлений становится Сидон. Его царь Лули потерпел поражение, был вынужден бежать на Кипр и там погиб. Подвластные ему города Синаххериб разрушил, а на пустующий престол возвел Этбаала. Преемник Этбаала Абдимилькут попытался возобновить борьбу, создав из некоторых мелких царств Северной Сирии антиассирийский союз. Но и его попытка

Ассирийцы грабят финикийский город

не принесла желаемого результата. Ассирийский царь Ассархаддон в своих анналах сообщает, что он разрушил Сидон, а затем заново отстроил его, переселив туда вместо уведенных в плен финикиян жителей горных областей и приморских районов на востоке. Сам Абдимилькут пытался бежать за море, однако был схвачен и казнен. Гегемония Сидона в Южной Финикии кончилась.

Столь же неудачной была и попытка тирского царя Баала, современника Ассархаддона, обрести независимость. После недолгого сопротивления он сдался на милость Ассирии; в дальнейшем мы видим Баала, а также царей Библа и Арвада среди данников Ассирии, поставлявших ей строительные материалы для царского дворца. До нас дошел и договор Баала с Ассархаддоном, правда плохо сохранившийся. Преемник Ассархаддона, Ашшурбанапал, снова осадил Тир и отрезал его морские и наземные коммуникации; снова царь Баал признал над собой власть Ассирии. Так же поступил и правитель Арвада Йакинлу, после смерти которого Ашшурбанапал назначил царем этого города своего ставленника Азибаала.

Мы не знаем, к сожалению, какое участие приняли финикияне в событиях, приведших в конце VII века к гибели Ассирийской державы. Бесспорно тем не менее, что это событие вызвало у них глубокую радость, чувство облегчения: они, наконец, освободились от постоянной угрозы нашествия, от вечного давящего страха. «Вот по горам шагает вестник радости, — читаем мы в книге библейского пророка Нахума о ниспровержении Ассирии, — дающий услышать о мире. Празднуй, Иудея, праздники свои, исполняй обеты свои, ибо не будет больше ходить по тебе злодей, он полностью уничтожен!» И так думали, конечно, не только в Иудее.

Однако надежда на прочный и длительный мир не оправдалась. Теперь Финикия стала ареной и объектом борьбы между двумя могущественными преемниками Ассирии — Нововавилонским царством и Египтом. Первоначально вся Передняя Азия до Евфрата, в том числе и Финикия, оказалась под властью египтян. Фараон Нехо довел свои войска до Кархемиша (в Северной Сирии), но там был разбит Навуходоносором II, тогда еще наследником престола Вавилонии (605 г.).

Не встречая сопротивления на своем пути, он овладел всей Сирией и Финикией; по-видимому, возникла реаль-

ная угроза и самому Египту. Однако внуку Нехо, фараону Априю, удалось не только нанести на границах Египта поражение войскам Навуходоносора, теперь уже царя Вавилона, но и предпринять сухопутный поход против Сидона, а также морское нападение на Тир (около 588—586 гг.). Вероятно, эти действия были успешными; очень возможно, что они сопровождались борьбой проававилонской и проегипетской группировок внутри финикийских городов. Во всяком случае Навуходоносор II на протяжении нескольких лет дважды осаждал Тир: один раз в 586 году, а другой — в 572—570 годах. По-видимому, к первой осаде относится любопытное описание библейского пророка Иезекиила: «Навуходоносор, царь Вавилона, заставил войско свое совершить большую работу против Тира. Все головы оплели и все плечи стертые, а платы не было ни ему, ни войску его от Тира за работу, которую тот делал из-за него». Вторая осада в книге Иезекиила изображается так: «Вот я (бог Яхве, от имени которого в данном случае говорит пророк. — И. Ш.) поведу против Тира Навуходоносора, царя Вавилона, с севера, царя царей, на конях и на колесницах, и со всадниками, и толпой, и множеством народа. Дочерей твоих в поле * мечом он истребит, и построит против тебя осадные башни, и насыплет против тебя валы, и поставит против тебя щит, и тараны он придвинет к стенам твоим, и башни твои он разрушит своими топорами. От множества коней его ты покроешься пылью их, от шума всадников и колес и колесниц будут сотрясены стены твои, когда он войдет в ворота твои, как входящий в город через пролом». В конце концов Тир признал над собой власть вавилонского владыки, хотя взять его штурмом Навуходоносор так и не удалось.

Но и в этих условиях Тир сохранил определенную внутреннюю автономию и свое политическое устройство. Мы довольно хорошо осведомлены о том, какие именно цари в первой половине VI века правили этим городом. В 564 году, после смерти царя Баала II, тирская государственная организация претерпела существенные изменения: к власти пришли правители — «судьи», удерживавшие ее немногим

* «Дочерью города» в Библии обычно называют населенные пункты, находящиеся на территории данного города-государства, а «полем города» — территория, принадлежащая городу-государству и находящаяся за пределами самого города.

более семи лет (564—558). Как возник этот режим, чьи интересы он защищал, мы пока не знаем, имеется только краткий список судей с указанием сроков их пребывания на этом посту. Этот список очень интересен: оказывается, что первый из судей, Экнибаал, сын Баслаха, был у власти всего два месяца, его преемник Хелб, сын Авдайя, — десять месяцев, верховный жрец Аббар — три месяца, а Муттун и Герострат, сын Абделима, правили вместе в течение шести лет. После этого в Тире снова была восстановлена царская власть. Все эти сведения позволяют сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, «судьи» приходили к власти в результате государственных переворотов; значит, борьба политических группировок в Тире в этот период приняла особенно напряженный характер. Во-вторых, совместное правление двух последних судей было возможно в результате компромисса между противниками, чем и объясняется его относительная продолжительность.

Очевидно, приходу к власти судей предшествовал переворот, устранивший прежнюю царскую династию, члены которой укрылись в Вавилоне. Следовательно, переворот, по крайней мере на его самом раннем этапе, был направлен против Вавилона. Вскоре после окончания срока (если очень условно можно употребить в данном случае это слово) правления Муттуна и Герострата власть прежней династии была восстановлена. Установление персидского господства на Ближнем Востоке (539 г. до н. э.) уже датируется четырнадцатым годом правления царя Хирама III, что позволяет отнести начало его царствования к 553 году до нашей эры.

ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

Бурные события внутренней жизни Тира, как, вероятно, и других финикийских городов, и не менее тревожная внешнеполитическая ситуация оказывали существенное воздействие на их повседневный быт. Но уходили враги, и жизнь продолжала свое обычное течение. Тир и другие финикийские города по-прежнему вели торговлю на море и на суше. В них, как и раньше, процветали земледелие и ремесло. Именно в этот, не очень спокойный период своей истории

финикияне предпринимали далекие плавания и совершили наиболее значительные открытия.

К сожалению, мы пока не можем представить себе внешний облик Тира и Сидона. Известно только, что они были обнесены (иногда в несколько рядов) массивными стенами с высокими башнями; их ворота, как и в других городах Сирии и Палестины, состояли из нескольких секций (для защиты от врага); к стенам прибивали щиты, которыми прикрывали бойницы, откуда лучники поражали неприятеля.

Чужестранец, попавший в город, оказывался в лабиринте многоэтажных домов и кривых улочек, которые вели к храмам и рыночным площадям. Там шла оживленная торговля, а в шуме базара можно было услышать не только финикийскую или арамейскую, еврейскую, египетскую или ассирийскую речь, но и греческий, итальянский, этрусский и даже таршишский говоры.

Из описания уже упоминавшегося пророка Иезекиила мы узнаем, что Тир получал из Таршиша серебро, железо, олово и свинец; из Греции и Малой Азии — рабов и медные изделия; из Африки и (через Южную Аравию) из Индии — слоновую кость и обезьян. Через Северную Сирию туда ввозили шерстяные ткани для окраски пурпуром, полотно и драгоценные камни, из Израиля и Иудеи — продукты сельского хозяйства — пшеницу, мед, оливковое масло и бальзам. Из Сирийской степи арабы пригоняли в Тир стада овец и коз, а сабейцы с далекого юга привозили благовония, которые тирские купцы везли дальше на запад, где продавали втридорога.

Финикийские корабли претерпели к этому времени некоторые конструктивные изменения. Они приобрели более округлую форму, их корпус стал более высоким, что увеличило и их осадку. Благодаря этому грузоподъемность судна возросла, а его мореходные качества, прежде всего устойчивость, улучшились. Вероятно, было изобретено и крепление корпуса продольными связями — либо горизонтальной балкой, либо канатом. По аналогии с греческими судами можно предположить, что эти связи размещались на вертикальных стойках, располагавшихся по длине корпуса.

Мы имеем возможность познакомиться и с «таршишскими» кораблями первой половины I тысячелетия до нашей эры. На носу такого корабля, проектировавшемся строго

отвесно, под ватерлинией помещался таран, которым в бою проламывали борт вражеского судна. Корма была закруглена и, высоко поднимаясь над палубой и частично прикрывая ее, надежно защищала ее от нападения с тыла. Для защиты бойниц от неприятеля финикийцы прибавляли вдоль фальшборта воинские щиты.

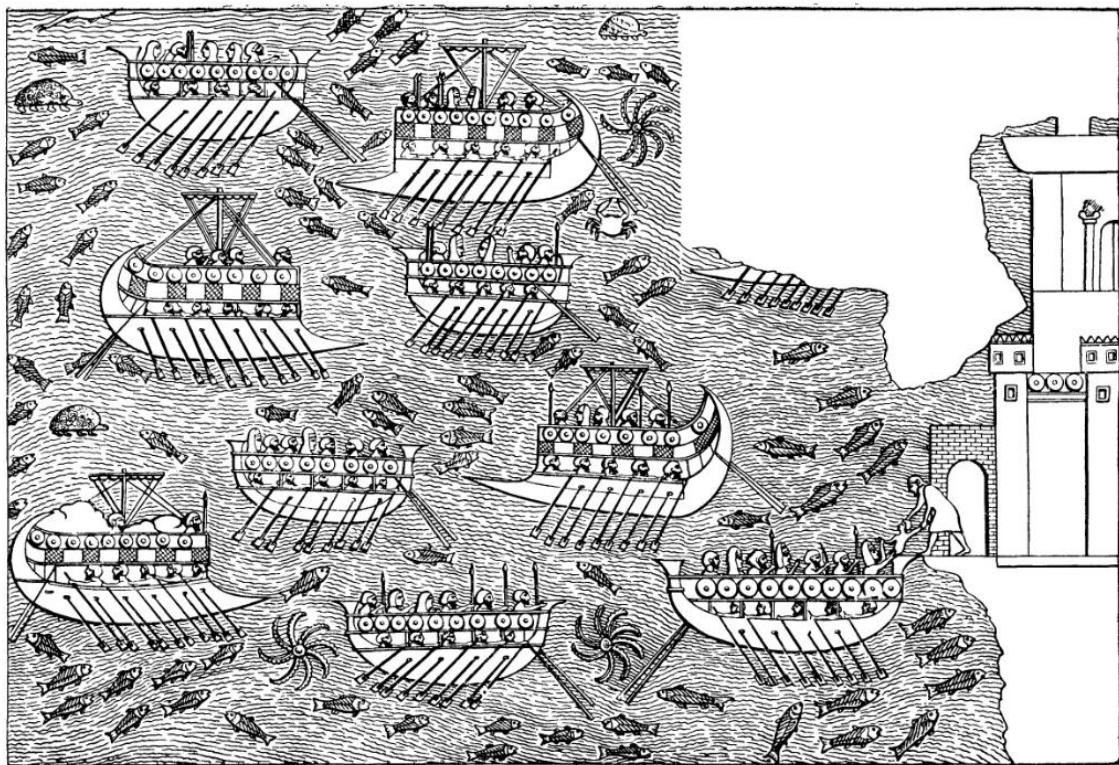
Судно имело две мачты — вертикальную в центре палубы (грот-мачту), несшую большой четырехугольный парус — основной движитель, и носовую, расположенную наклонно к носу, также с четырехугольным парусом, который использовался для маневрирования. Правда, это последнее устройство появилось, очевидно, сравнительно поздно. Известны датированные VII веком ассирийские изображения одномачтовых «таршишских» судов со свернутыми парусами. Рулевое устройство состояло из двух длинных кормовых весел.

Разумеется, уходя в плавание, далеко не всегда можно было рассчитывать на благоприятную погоду и попутный ветер, поэтому все суда — и «таршишские» и предназначавшиеся для переходов на близкие расстояния — были гребными.

Вдоль каждого борта в два ряда размещались, судя по изображениям, девять-десять весел (возможно, их было и больше), за которыми сидели по несколько гребцов — наемных работников и рабов. Равномерные удары барабана устанавливали ритм работы, а плеть надсмотрщика подгоняла недостаточно проворных.

Характерной особенностью финикийских кораблей того времени было отсутствие палубных надстроек. Все помещения для команды, пассажиров, а также кладовые для груза и снаряжения находились под палубой внутри корабля.

Роскошные суда финикийских купцов производили большое впечатление на современников. Вот какое описание этих кораблей мы находим в книге библейского пророка Иезекиила. «Из кипарисов сенирских делали тебе (Тиру.—*И. Ш.*) доски; кедры Ливана брали, чтобы сделать мачту над тобою. Из дубов башанских делали твои весла; сиденья для твоих гребцов делали из слоновой кости и бука, что с острова Кипра. Узорчатое полотно из Египта было парусом твоим, чтобы быть для тебя знаменем; яхонтовым и пурпурным цветом с островов Элиша покрыта была твоя палуба».

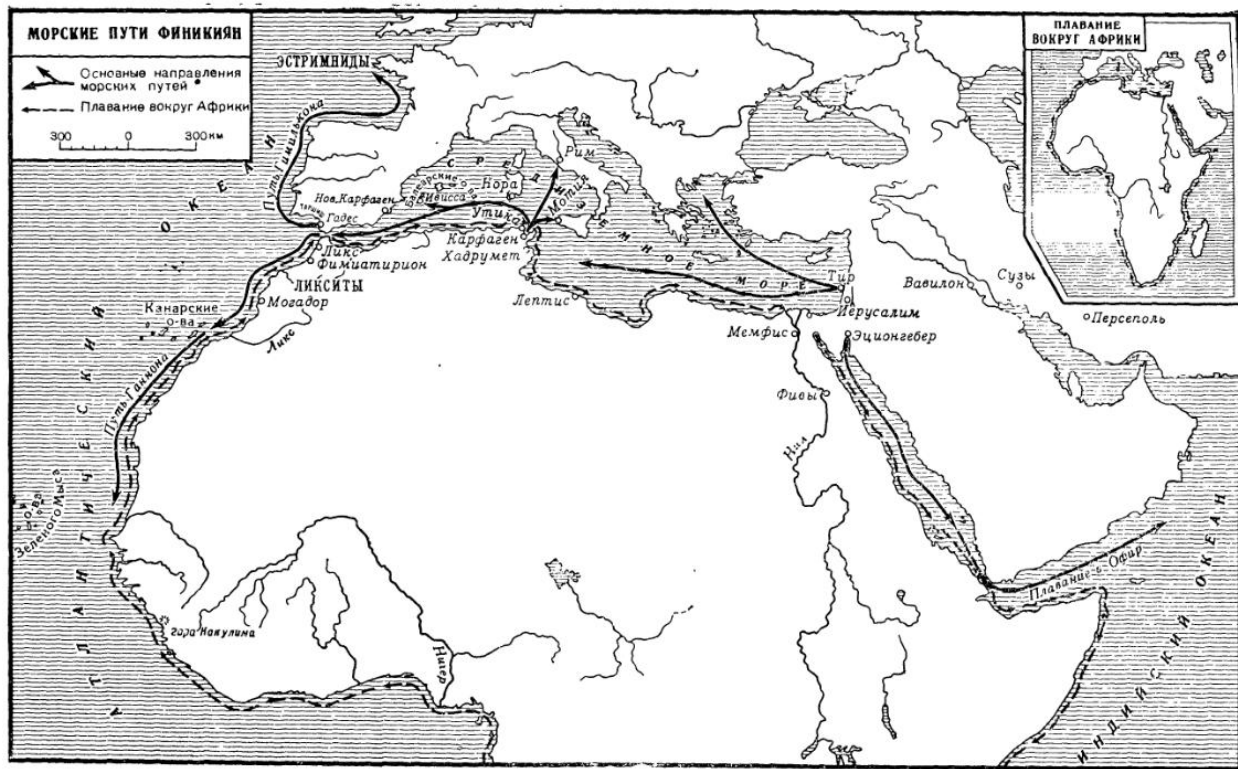
Финикийские корабли конца VII века до нашей эры

Особенно прочными были в этот период связи Тира с Египтом. В Мемфисе, одном из важнейших египетских городов, существовал даже специальный район, заселенный финикийскими, преимущественно тирскими, купцами. Именно в Египте финикияне замыслили и отсюда осуществили самое грандиозное предприятие древности — плавание вокруг Африки.

Наш единственный информатор по этому вопросу древнегреческий историк Геродот, как обычно, немногословен: «Ливия, кажется, со всех сторон окружена водой, — писал он, — кроме той части, которая граничит с Азией. Первым из тех, кого мы знаем, это доказал Нехо, царь египтян*. Остановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил на кораблях финикиян, приказав проплыть назад через Геракловы Столпы, пока не войдут в Северное море (Средиземное море. — *И. Ш.*), а через него — в Египет. Финикияне двинулись из Эритрейского моря (видимо, здесь — южная оконечность Красного моря. — *И. Ш.*), вошли в Южное море (Индийский океан. — *И. Ш.*). Когда наступала осень, они, пристав к берегу, засекали землю, в каком бы месте Ливии, плывя, ни находились, и ожидали жатвы, а убрав хлеб, предлагали плавание. Так прошли два года, а на третий год, обойдя Геракловы Столпы, финикияне прибыли в Египет. И говорят, по-моему, неправду, а другой кто-нибудь, может быть, поверит, что, плывя вокруг Ливии, они имели солнце справа».

Сомнения Геродота отражают уровень географических знаний того времени: ему, жителю Северного полушария, казалось невероятным, что можно, встав лицом на запад, увидеть солнце справа, то есть на севере, а не слева, то есть на юге, как обычно. Но именно поэтому сомневаться в достоверности рассказа Геродота не приходится. Плавание, о котором он рассказал, было подготовлено всем предшествующим развитием финикийского мореходства, плаванием в Офир, а также предшествовавшими им попытками египтян проникнуть на юг. Нас не должно смущать отсутствие у Геродота описания того, что видели путешественники. Очевидно, это не выходило за рамки обычного, повседневного, и рассказывать об этом отец европейской историко-

* Нехо царствовал в конце VII века до нашей эры.

Морские пути финикийян

графии считал излишним. А быть может, и его информаторы — финикийцы или египтяне — не захотели поведать ему о том, что видели путешественники, не желая открывать свои коммерческие тайны.

Геродота занимают, во-первых, само путешествие и, во-вторых, необычные, с его точки зрения, подробности. А что могло быть необычнее рассказа о том, как мореходы приставали к берегу, сеяли хлеб и, собрав урожай, двигались дальше? Их ожидали не только неведомые страны, неизвестные морские течения и неожиданные опасности, о которых они даже не могли подозревать, — им приходилось возобновлять запас продовольствия таким естественным и в то же время необычным для мореплавателей способом. Когда читаешь Геродота, невольно создается впечатление, что финикийцы не встретили на своем пути африканцев, иначе вряд ли они сумели бы беспрепятственно заниматься земледелием на чужих землях. Видимо, местные жители на всем пути следования финикийских моряков предпочитали держаться подальше от чужаков.

Беспримерный поход финикийских мореплавателей вокруг Африки стоит особняком во всей истории древнего мореплавания средиземноморских народов. Он не мог еще открыть эру судоходства вокруг Африки. Не было еще той острой потребности в установлении прямых контактов между окраинами Западного Средиземноморья и Индией, которая возникнет более двух тысячелетий спустя и заставит португальских флотоводцев искать морской путь вокруг берегов Африки. В то же время для всех было ясно, что поддерживать связи между востоком и западом Средиземноморского бассейна гораздо удобнее непосредственно по Средиземному морю. Поэтому впоследствии была только одна, правда неудачная, попытка повторить, на этот раз в обратном направлении, такое путешествие. Ее предпринял персидский царевич Сатасп (около 470 г. до н. э.). Карфагенский мореплаватель Ганнон, о котором мы будем говорить далее, даже не ставил перед собой подобной задачи.

НА ПУТИ К ЗАКАТУ

29 октября 539 года персидский царь Кир прибыл в Вавилон, незадолго до этого (12 октября) без боя занятый его войсками. Этим событием закончилась многолетняя

кровопролитная борьба между Персией и Нововавилонским царством за господство на Ближнем Востоке. Возникновение Персидской державы, несомненно, отразилось и на судьбе восточнофиникийских городов. Они были глубоко заинтересованы в установлении мира на сухопутных торговых путях, связывавших эти города с глубинными территориями Передней Азии. К тому же Кир позволил всем изгнанникам, которые в свое время были уведены в плен вавилонскими царями, вернуться на родину, а среди них было много финикиян. Естественно, поэтому они должны были приветствовать воцарение Кира.

Подчинив себе Финикию и включив ее в свою административную систему, персидские цари не вмешивались в ее внутреннюю жизнь. В Финикии продолжала сохраняться царская власть и иные местные формы правления. Один из сидонских царей этого времени, Эшмуназар II, в большой надписи рассказывает о своей многообразной строительной деятельности, а также о том, что «владыка царей», вероятнее всего Ксеркс, около 480 года отдал Сидону Дор и Йаффу — города на палестинском побережье Средиземного моря. Кроме того, под властью Сидона находился небольшой городок, который греки называли «птичьим», — Орнитон, а под управлением Тира были Акка и Аскалон в Палестине.

В период персидского господства в Финикии, первый раз в ее истории, сложилось некое подобие единой политической организации, которая должна была охватывать все финикийские города. Тир, Сидон и Арвад совместными силами построили новый город, который по-гречески именовался Триполис — «город трех городов». Он состоял из трех обособленных поселений, где жили выходцы из упомянутых центров. Вероятно, каждое поселение было непосредственно связано со своей метрополией. В Триполисе должен был находиться общефиникийский совет, где решались важнейшие проблемы, интересовавшие всю страну. Собственно персидские наместники находились в Сидоне, занимавшем в то время, видимо, ведущее положение.

Отношения финикийских городов с персидскими властями были достаточно сложными; далеко не всегда последним удавалось навязывать подданным свою волю. Известно, например, что, когда царь Камбиз попытался направить финикийский флот на запад для завоевания Карфагена, финикияне вежливо, но категорически отказались выполнить его приказ. В других случаях персам удавалось при-

влекь на свою сторону граждан Сидона, Тира и других центров. В частности, финикийский флот принял активное участие в Греко-персидских войнах, в том числе и в битве при Саламине — одном из тех сражений, в котором балканским грекам удалось отстоять свою независимость. Среди наиболее известных флотоводцев персидского царя Геродот упоминает сидонского владетеля Тетрамнеста, сына Анита, тирского Матита, сына Хирама, и арвадского Мербаала, сына Агбаала. Финикияне, видимо, и сами были глубоко заинтересованы в разгроме крупнейших греческих торговых центров, так как рассчитывали занять их место в средиземноморской торговле и прочно закрепиться в Эгеиде.

Поражение персов повлекло за собой крушение этих надежд. Однако финикияне не отказались от своих планов, которые они надеялись осуществить мирным путем. Они даже создавали в греческих городах свои общины, прочно обосновываясь там. Так, уже в первой половине IV века в Афинах существовала колония сидонян, в I веке увековечившая на камне свои почетные декреты.

Впрочем, в IV веке, еще до похода Александра Македонского, наблюдается известная переориентация финикиян, их стремление заручиться союзом с греками. Так, сидонский царь Стратон оказал помощь афинским послам в их поездке ко двору персидского царя. Именно об этом Стратоне рассказывали как о друге эллинов, введившем греческий образ жизни и даже сменившем свое финикийское имя на греческое. Любезность не осталась незамеченной: афинские власти приняли почетный декрет в честь Стратона и даже освободили селившихся в Афинах выходцев из Сидона от уплаты поборов, обычно взимавшихся с метеков — поселенцев, не имевших гражданских прав.

Один из преемников Стратона, Теннес, пошел еще дальше, приняв участие в широком выступлении против Персии, в котором наряду с Финикией активную роль играли Египет и города Кипра как греческие, так и финикийские. Заручившись помощью из Египта и разгромив персидского наместника, Теннес в короткий срок очистил от персов всю Финикию. Царь Персии Артаксеркс III Ох сам возглавил поход на непокорную провинцию. Теннес не решился оказать ему сопротивление и постыдно предал Сидон, который был буквально стерт с лица земли, а жители его — те, что не погибли в пламени пожара, — были уведены в глубь

Персидской державы. Место пожарища Артаксеркс III Ох продал впоследствии за очень высокую цену: там, где раньше стоял город, кладоискатели находили много золота и серебра. Расправа оказалась достаточно наглядным уроком — прочие города Финикии поспешили признать над собой власть персидских царей. Через некоторое время Сидон был восстановлен — слишком удобное это было место — и скоро вновь превратился в крупный торговый центр.

В 333 году на территорию Сирии вступили новые завоеватели — греки и македоняне под предводительством Александра Македонского. Поход Александра Македонского был попыткой разрешить внутривосточные конфликты, принявшие в греческих городах-государствах исключительную остроту, путем завоевания новых земель и создания колоний, где могли бы обосноваться и начать новую жизнь люди, обездоленные у себя на родине. Неудачи персов уже на раннем этапе военных действий в Малой Азии обнаружили глубокую внутреннюю слабость их огромной державы. Поэтому сирийские города-государства, в том числе и финикийские, не оказали македонянам сопротивления, хотя их флотоводцы находились в начале войны, как правило, в персидском флоте. Арвад, Сидон и Библ сдались Александру без боя.

Так же вначале вел себя и Тир. Однако между этим городом и македонским завоевателем скоро возник конфликт: тиряне отказались допустить Александра за городские стены принести жертву Мелькарту, которого греки отождествляли со своим героем Гераклом, считавшимся предком македонского царя. Александр воспринял этот отказ не только как глубокое личное оскорбление, но и как попытку ограничить его власть над Тиром. Поэтому он решил осуществить свое намерение силой. До сих пор Тир, находившийся на острове, был неуязвим для врагов, никому не удавалось взять его приступом. Поэтому Александр принял смелое решение: за короткий срок его солдаты построили насыпь через пролив, которая позволила им вплотную подойти к стенам города. В результате Тир отныне и навсегда перестал быть островом. Несмотря на отчаянное сопротивление горожан, город был взят штурмом, а его уцелевшие жители — более тридцати тысяч человек — были проданы в рабство. Однако в Финикии это был единственный случай сопротивления македонянам.

Под властью эллинистических царей, а позже и римских наместников восточнофиникийские города не играли сколько-нибудь заметной политической роли, хотя и продолжали оставаться крупными торговыми центрами с обширными и разносторонними экономическими связями. На острове Делосе, например, существовала колония купцов из Берита, почитателей морского божества — «посейдониастов», как они себя называли. Это был крупнейший общегреческий рынок эллинистического времени.

На Кипре в течение некоторого времени процветало объединение ряда городов на юге и в центральной части острова под властью финикийских царей. В то же время была ликвидирована царская власть в Арваде, а затем и в других городах. В ряде случаев мы узнаем о тирании; она существовала некоторое время в Библе и Тире. В 120 году Тир и в 113 году Сидон стали, правда ненадолго, независимыми и с этого времени начали свое новое летоисчисление.

В период правления римских императоров некоторые финикийские города были освобождены от налогов, которые платило все население Римской империи, кроме римских граждан, а также сумели добиться и разных других привилегий и титулов. Их жители, надо думать, ревностно оберегали свои традиции; еще в XII веке нашей эры еврейский путешественник Вениамин Тудельский видел в одном из финикийских — тогда уже бывших финикийских — городов то, что он называл «жестокостью аммонитян», — статую финикийского божества и финикийское святилище, пережившее и христианских, и мусульманских фанатиков. Долгое время еще составлялись надписи на финикийском языке, однако в первые века нашей эры местные жители перешли частью на арамейский, частью на греческий язык.

Хотя финикийцы и пытались сохранить некоторые черты своей культуры, они не очень энергично сопротивлялись процессу эллинизации. Финикийцы принимали греческие имена, составляли на греческом языке важные деловые и административные документы, а также литературные произведения, посвященные всему историческому прошлому. Они воспринимали греческую административную терминологию, греческий образ жизни все глубже и глубже проникал в их быт. Сидоняне, официально признанные эллинами, даже принимали участие в общегреческих Немейских играх. Постепенно, во II—III веках нашей эры слово «Фини-

кия» превратилось в название произвольно выкроенной провинции на территории Римской Сирии, ничего общего не имевшей с реальной, исторической Финикией. Постепенно и местные жители забыли о своем происхождении, продолжая свой исторический путь уже под другими именами, как бы начиная его заново.

И только на библиотечных полках в сочинениях древних писателей сохранилась до наших дней память о городах, потрясавших своим величием пришельцев, и о подвигах, изумлявших мир.

КАРТХАДАШТ—НОВЫЙ ГОРОД

Финикийские колонии в Западном Средиземноморье очень рано столкнулись с кругом проблем, не совпадавших с тем, что волновало их восточных собратьев, находившихся почти на другом краю ойкумены — тогдашнего «мира». Это были и внутривполитические задачи, связанные с попытками разрешения острых социальных противоречий внутри западнофиникийских, или, как их называли римляне, пунийских городов, и внешнеполитические, определявшие ожесточенной борьбой за обладание важнейшими торговыми путями в этом районе, а впоследствии за мировое господство.

Оживленная морская торговля, приток населения со всех концов тогдашнего мира быстро превратили Карфаген в один из крупнейших городов древности. Накануне его гибели, в середине II века до нашей эры, там жили семьсот тысяч человек, а после завершения войны римляне захватили в плен около пятидесяти тысяч. Эти цифры не кажутся преувеличенными; во всяком случае у нас нет оснований не доверять позднему греческому географу Страбону, который их приводит. В V—IV веках население города было, видимо, несколько меньше, но тем не менее Карфаген и тогда отличался многослюдством.

Мощные стены, пересекавшие весь перешеек, на котором находился Карфаген, надежно защищали его от нападений ливийцев, коренных жителей Африки. Высота стен превышала тринадцать метров, а толщина была около девяти. Башни располагались на расстоянии пятидесяти—шестидесяти метров одна от другой. Внутри стен находились в два этажа стойла для трехсот боевых слонов, видимо доставлявшихся из внутренних районов Африки, и четырех тысяч лошадей.

Карфагенские гавани (современный вид)

Когда путешественник, измученный бурями и непогодами, сходил, наконец, в карфагенском порту на берег, его взор устремлялся прежде всего к холму Бирсе, возвышавшемуся над городом. Холм был окружен массивной стеной. Там находился один из важнейших местных храмов — бога Эшмуна, культ которого колонисты принесли со своей далекой родины. Там было сердце города.

Но самое древнее святилище — храм богини Тиннит (в переводе на русский язык «почтенная»), основательницы и покровительницы города, и Баалхаммона, ее спутника, — высилось неподалеку от гавани. Там приносились человеческие жертвы, там можно было услышать самые жаркие мольбы; в горе и в радости карфагеняне неизменно обращались к «великой Тиннит, украшению Баала, и к господу Баалхаммону». В самом начале IV века, после неурожая 397 года, пунийцы решили ввести у себя культ греческих земледельческих богинь Деметры и Коры и построили им за стенами Бирсы храм по греческому образцу.

Неподалеку от гавани, на пути к Бирсе, находилась обширная рыночная площадь, забитая купеческими лавками, торговыми рядами, мастерскими ремесленников. Чего только и кого только не встретишь там! Вот бородатый ремес-

Традиционное пунийское изображение Баалхаммона, восседающего на керубах

ленник с серьгой в ноздре громко расхваливает свои ковры и пестрые узорчатые подушки. Высокий египтянин осторожно присматривается к ним: как бы не прогадать! «Не беспокойся, господин, слава карфагенских ковров достигла самых далеких уголков мира; купи, и ты никогда не пожалеешь об этом». А вот юркий родосец предлагает свой товар — огромные кувшины, где можно хранить жертву Тиннит. Даже священный символ богини заранее нацарапан на глазури, покрывающей сосуды. Только что прибыл корабль из Малаки (современная Малага); огромные кувшины с

Пунийское изображение Баахаммона, выполненное в стиле греческих статуй Зевса

драгоценным лакомством — рыбьим соусом гарумом — торопливо переносятся в лавку его владельца.

Не было такого товара, который нельзя было бы увидеть на карфагенском рынке, — греческое и итальянское вино, этрусские вазы, золото и серебро буквально отовсюду, металлические украшения для женщин и оружие для мужчин, дорогую обувь, обезьян и, конечно, черных и белых рабов. Не было такой страны, куда бы ни плавали пунийские моряки со своими товарами, откуда ни приходили бы в Карфаген торговые корабли. Не было таких изделий от драгоценных бронзовых светильников до глиняных кувшинов, которые не изготавливали бы многочисленные пунийские ремесленники, и свободные и зависимые от богатых торговцев.

Рядом с базарной площадью стоял дом, где заседал совет; там же находилось место, где высшие карфагенские чиновники — суффеты — вершили суд и расправу. Три широкие улицы вели оттуда к Бирсе.

Если бы современному человеку довелось увидеть Карфаген, вряд ли он произвел бы на него благоприятное впечатление: пыльные широкие улицы с высокими домами до шести этажей и грязными некрашеными стенами. Правда, в конце IV века на пустырях, защищенных городской стеной, возник новый район — Мегара. Здесь небольшие дома были окружены полями и парками. Центром дома был внутренний садик, куда шли выходы из всех помещений.

Для нас, естественно, особый интерес представляет пунийское судостроение. Карфаген располагал колоссальным военным и торговым флотом; в IV—III веках до нашей эры он мог довольно легко выставить эскадры, насчитывавшие до двухсот кораблей. Постройка судов занимала сравнительно немного времени.

Продолжая свои древние традиции, карфагеняне строили на своих верфях корабли «таршишского» типа. Правда, к концу I тысячелетия некоторые конструктивные особенности, характерные именно для этих судов, превратились в детали декоративного убранства. Так произошло, например, с кормой, где при изогнутой над палубой ее частью палубное пространство явно оставалось открытым. Практически это не более чем фигурное и очень изящное продолжение кормового бруса. В носовой части судна прежний таран оказался изогнутым, резко приподнятым над водой. На корме появилась надстройка во всю ширину палубы.

Однако карфагеняне не ограничивались совершенствованием своей традиционной техники. Они широко использовали греческий опыт строительства военных кораблей. Очень рано у них появились пентеконтеры — весельные суда, на которых в один ряд вдоль каждого борта сидели по двадцати пяти гребцов, а в IV веке и другие типы судов — триеры и пентеры. Обычно полагают, что на таких судах гребцы размещались вдоль бортов соответственно в три (триеры) и пять (пентеры) рядов. Но есть и другое мнение. Некоторые исследователи думают, что в триерах устраивались «звенья» по три весла, а в пентере на одном весле работали пять гребцов. Окончательного решения пока нет. Видимо, существовали суда и больших размеров.

БОРЬБА ЗА МОРЕ

Уже на первых порах пунийские города столкнулись с сопротивлением Таршиша, который не был склонен уступать без боя свои торговые пути неведомо откуда взявшимся пришельцам. После целой серии войн пунийцам удалось блокировать своего противника. Однако в конце IX—начале VIII века до нашей эры в Западном Средиземноморье появились греческие купцы, а в середине VIII—VII века и греческие колонии в Восточной Сицилии. Эта опасность заставила финикийские города Западной Сицилии во второй половине VII века объединиться и заключить ссюз с элимами, коренными жителями этой части острова. Подобные объединения существовали и в Северной Африке.

В середине VII века Карфаген основал колонию на острове Эбесс (ныне Ивисса). Это был его первый шаг на пути превращения в мировую державу. Так как ранее Эбесс, как и другие Балеарские острова, находился под властью Тартесса, этот шаг карфагенян был началом активной наступательной политики, направленной против этого государства. Затем, используя Эбесс как плацдарм, Карфаген перенес военные действия непосредственно в Южную Испанию и там, заключив союз с Гадесом, прочно обосновался на тартесских землях. Однако вскоре карфагеняне осадили Гадес и разрушили его стены. Очевидно, Гадес пытался помешать своим союзникам проникнуть на территорию Испании и поплатился за это.

Далее события развивались так. Около 600 года неподалеку от устья реки Родана (современная Рона) греки, выходцы из Фокеи (Малая Азия), основали свою первую колонию Массалию (ныне Марсель). В своем движении на запад они встретили полную поддержку тартесситов, увидевших в них своих естественных союзников. Царь Тартесса Аргантоний не только позволил фокейцам селиться на его землях (и они действительно основали несколько колоний на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова), но даже оказывал им посильную помощь в борьбе против внешних врагов. Карфагеняне вскоре после возникновения Массалии начали против нее враждебные действия, превратившиеся в затяжную войну, которая, однако, не принесла пунийцам успеха. Терпя поражение за поражением, они оказались вынужденными примириться с существованием Массалии, вытеснившей карфагенских купцов из низовьев Родана, и с фокейской колонизацией Пиренейского полуострова. В конце VII века пунийцы утратили доступ и в Италию. Положение их стало особенно тяжелым после того, как в первой половине VII века фокейцы построили на Корсике город Алалию. Его жители грабили соседей и проходившие мимо купеческие корабли; они, видимо, полностью дезорганизовали торговлю в этом районе.

Более удачными были войны, которые карфагеняне под предводительством полководца Малха вели в Сицилии в середине VI века. Им удалось покорить там большую территорию. Воодушевленные успехом, войска Малха переправились в Сардинию, но там потерпели поражение настолько серьезное, что власти Карфагена приговорили и неудачливого полководца и еще оставшуюся у него часть армии к изгнанию.

Войны Малха отправили в Карфаген посольство, добиваясь разрешения вернуться, но получили резкий и недвусмысленный отказ. Разгневанный военачальник двинул свою армию на осаду родного города, в конце концов штурмом овладел им и расправился со своими врагами, стоявшими у власти. Жертвой Малха пал и его собственный сын Карталон, только что вернувшийся из Тира, где по поручению пунийских правителей он участвовал в торжественных жертвоприношениях. Опираясь на демократические круги общества, Малх пытался, видимо, удовлетворить их интересы, изменяя действовавшие в Карфагене законы. Однако уничтожить всех своих противников, всю аристократиче-

скую вершушку пунийского общества новый властитель не сумел. Они обвинили его в стремлении к самодержавной царской власти, в сыноубийстве, и в конце концов Малх был предан суду и казнен. Власть в городе перешла к Магону, основателю военной династии, на протяжении нескольких десятилетий державшей в своих руках все нити управления Карфагенской державой.

Судя по всему, Магон провел ряд важных мер, чтобы укрепить пошатнувшееся положение Карфагена. Одной из них было создание наемной армии, представлявшей собой на первых порах значительную военную силу, более боеспособную, чем ополчение. Эта реформа была проникнута стремлением не допустить народные массы к реальному участию в управлении государством. Чтобы обеспечить себе союзников, Магон договорился с этрусками о взаимной помощи и поддержке. Это соглашение послужило прочной основой для развития в будущем между ними и карфагенянами дружественных отношений. Помимо чисто военных те и другие впоследствии заключили ряд других договоров, регулировавших их отношения, в том числе и о торговле. Но и этого Магону показалось мало: он сумел заручиться если не поддержкой, то во всяком случае благожелательным нейтралитетом Сиракуз, крупнейшего греческого города в Сицилии.

Все эти меры позволили пунийцам добиться значительного успеха. В ожесточенной битве при Алалии в 535 году объединенный флот этрусков и карфагенян, насчитывавший 120 кораблей, нанес сокрушительное поражение вдвое меньшему флоту фокейцев. Сорок кораблей, принадлежавших последним, были потоплены, и только двадцати удалось скрыться. Все пленные фокейцы были перебиты победителями. Дорога в Италию снова стала свободной.

Победа при Алалии имела и другие далеко идущие последствия. Карфагеняне снова начали активное наступление в Сардинии, опираясь на местные финикийские поселения — Нору, Сулх и другие, основывая свои колонии, в том числе Каралис. Правда, борьба с сардами по-прежнему была очень тяжела, и какие-то их группы, уходя в глубь острова и отчаянно сопротивляясь, сумели сохранить независимость. Но главное заключалось в том, что эта победа позволила изолировать, а потом и уничтожить Тартесс. Произошло это событие в конце 30-х или в начале 20-х годов VI века.

ЗА СТОЛПАМИ МЕЛЬКАРТА

Именно это бурное время — VII—VI века до нашей эры — было, по-видимому, тем периодом, когда карфагеняне предпринимали исключительные по своим масштабам попытки проникнуть за Гибралтар — Столпы Мелькарта, как их называли, — и в далекие страны на севере и на юге Атлантического океана. Но если восточные финикийцы, плывя вдоль берегов Африки, не общались с ее населением и, видимо, не очень к этому стремились, цели их западных собратьев были иными. Геродот, на которого мы уже много раз ссылались, писал: «Карфагеняне рассказывают также, что есть страна в Ливии и люди, живущие за Геракловыми Столпами. Прибывая к ним, они выгружают товары и кладут их в ряд вдоль берега, а затем, уходя на корабль, зажигают костер. Туземцы, увидев костер, приходят к морю, кладут против товаров золото и уходят далеко от них. Карфагеняне, сойдя на берег, все осматривают, и если им покажется, что количество золота соответствует товарам, то, погрузив его, они удаляются. Если же им покажется, что не соответствует, то они снова уходят на корабль и остаются; те же, вернувшись, кладут еще золото в том количестве, которое запрашивают. И они не обманывают друг друга. Ведь одни не касаются золота прежде, чем, по их мнению, оно не уравнивается по ценности с товарами, а другие не касаются товаров прежде, чем те не возьмут золота». Этот крайне примитивный метод торговли свидетельствует о том, что общество, с которым торговали карфагеняне, находилось на весьма низкой ступени общественного развития. Но не только торговля манила гуда карфагенян.

В течение VI — первой половины V века на территории Северной Африки, непосредственно прилегающей к Карфагену, благодаря успешным войнам Малха с ливийцами, а кроме того, и в результате победы над западным соседом — киренянами*, сложилась довольно обширная область карфагенского господства. Однако не менее важную роль, чем войны, сыграла в этом процессе мирная карфагенская колонизация Северной Африки, начавшаяся значительно ранее, вскоре после основания Карфагена.

* Кирена — греческая колония в Северной Африке; возникла в VII веке до нашей эры.

Основывая свои колонии в различных пунктах Средиземноморья, карфагенские власти стремились прежде всего предотвратить выступления народных масс против верхушки общества в самом Карфагене. Кроме того, располагая колонии на прибрежных островах, полуостровах и в пунктах, пригодных для создания портов, они рассчитывали обеспечить свое господство на торговых путях. Пунийские поселения в глубине материка должны были обеспечить карфагенянам господство над местным населением. В VIII—VII веках средиземноморское побережье современных Туниса, Алжира и Марокко было усеяно многочисленными карфагенскими колониями. Наиболее крупная колонизационная экспедиция пунийцев связана с именем выдающегося финикийского флотоводца Ганнона; археологические исследования на атлантическом берегу Марокко позволяют более или менее уверенно отнести этот поход к VII—VI векам до нашей эры.

Подробности этой экспедиции известны нам по очень любопытному документу, так называемому «Периплу Ганнона», который сохранился до наших дней в изложении на греческом языке и много раз переводился на русский и другие современные языки. Насколько достоверно этот текст воспроизводит содержание подлинного отчета Ганнона, трудно сказать. Есть веские основания думать, что составитель этого произведения под влиянием поздней древнегреческой приключенческой литературы расцвел сухой отчет карфагенского «адмирала» рассказами о разного рода таинственных явлениях, которые должны были потрясти воображение читателя. Ведь речь шла о малоизвестных далеких странах, куда плавали очень редко. И тем не менее вряд ли можно сомневаться, что в основе нашего документа лежит подлинный отчет карфагенского путешественника, находившийся в храме бога Баалхаммона, или, как его называли греки, Кроноса, и каким-то образом ставший известным грекам. Посмотрим же, что могло происходить в действительности.

Поход Ганнона был важным событием в жизни пунийского общества. По решению карфагенских властей он был поставлен во главе огромного флота, состоявшего из шестидесяти боевых кораблей — пентеконтер, то есть пятидесятивесельных судов; на них находились тридцать тысяч человек. Почти все они должны были составить население нескольких городов за Гибралтаром, для основания и устрой-

ства которых посылался Ганнон. Видимо, в этот момент противоречия между аристократами и народом стали особенно острыми и правители Карфагена прибегли к своему обычному средству — массовому переселению недовольных на чужбину. Такое массовое переселение было вызвано, конечно, серьезным обострением классовой борьбы внутри карфагенского общества. За скупыми строками «Перипла» угадывается и волнение народа, с тревогой и надеждой думавшего о будущем — что-то оно сулит там, на далекой, неведомой чужбине? — и забота флотоводца: скорее в путь, скорее увести эту массу беспокойных, голодных людей подальше от Карфагена, пока они не бросились на роскошные дворцы «великих» — членов совета, пока не закипела в городе резня и смута...

Пройдя Гибралтар и проплыв после этого еще два дня, путешественники основали первый город, который греки впоследствии называли городом благовоний — Фимиатрион. Некоторое время спустя у мыса Солунт они построили храм бога — покровителя морских путешествий, украшенный резными рельефными изображениями. Сколько времени огняла у путешественников эта работа, трудно сказать, но, завершив ее, они двинулись дальше и примерно через полдня пути попали в залив, поросший густым тростником. На его берегу они увидели стада мирно пасшихся слонов и других животных. Но пока это были более или менее знакомые места. Проплыв еще день, они опять заложили несколько поселений, на близком расстоянии одно от другого, видимо, для удобства обороны и взаимных контактов, так что создается впечатление, будто они были заложены одновременно.

Как бы то ни было, Ганнон основал шесть колоний (кроме упомянутой выше, Карийскую стену, Гигт, Акру, Мелитту и Арамбис); население каждой из них составляло около пяти тысяч человек, если только оно распределялось равномерно.

В науке много было споров о том, где располагать эти города, с какими современными пунктами в Марокко их следует отождествить. Однако ни одно из высказанных предположений пока не удалось доказать. До сих пор была проведена только одна археологическая разведка атлантического побережья Марокко. Материалы, обнаруженные там, позволяют утверждать, что карфагеняне жили на мысе Кантен, где выявлено типичное пунийское погребение кон-

ца IV века до нашей эры, а также в Могадоре. Там найдены изделия из пунийской красной керамики VI века, изделия из бронзы, а также надписи.

Расселив своих подопечных, пунийский флотоводец отнюдь не собирался возвращаться на родину. Теперь он решил продвинуться дальше на юг, очевидно с целью разведки и захвата новых земель. Вот как изображена в дошедшем до нас документе эта часть его плавания: «Плывя оттуда, мы прибыли к большой реке Ликс, текущей из Ливии. Вокруг нее пасут скот кочевники ликситы. У них мы оставались до тех пор, пока не стали друзьями. Выше них жили негостеприимные эфиопы, по-звериному обитая в стране, откуда, говорят, течет Ликс. А вблизи гор, как говорят, живут совершенно другие люди — троглодиты*. Ликситы говорят, что в беге они побеждали лошадей. Взяв у ликситов переводчиков, мы плыли два дня на юг мимо пустыни, а оттуда снова на восток дневной путь. Там мы нашли посредине какого-то залива небольшой остров окружностью в пять стадий. На нем мы основали колонию, назвав ее Керной. Мы определили по пройденному пути, что она находится напротив Карфагена: ведь морской путь от Карфагена до Столпов был равен пути оттуда до Керны. Из этого места мы прибыли в озеро, плывя по некоей большой реке, название которой Хретис; на этом озере имеются острова, большие по размеру, чем Керна. От них, проделав дневное плавание, мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди швыряли камни и наносили нам раны, не давая сойти на берег. Плывя оттуда, мы вошли в другую реку, большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиппопотамов. Оттуда же, повернув обратно, мы снова возвратились к Керне. А потом мы плыли на юг двенадцать дней, проходя вдоль страны, целиком населенной эфиопами, убежавшими от нас. Они говорили непонятно даже для ликситов, бывших с нами. А на последний день мы бросили якорь у высоких лесистых гор. Там были разнообразные благоухающие деревья. Плывя от них два дня, мы оказались на неизмеримом морском просторе, против которого на берегу была равнина; там мы видели огни; их приносили отовсюду через определенные промежутки времени; то их было боль-

* *Троглодиты* — пещерные жители.

ше, то меньше. Запасшись водой, мы плыли оттуда вдоль берега пять дней, пока не прибыли в большой залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом.

В этом заливе есть большой остров. Сойдя на него, мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигающихся огней и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимпанов* бряцание, и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров. Быстро отплыв, мы прошли мимо горящей страны, наполненной благовониями; огромные огненные потоки стекают с нее в море. Из-за жары сойти на берег было невозможно. Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, мы увидели ночью землю, наполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем обнаружилось, что это большая гора, называемая Колесницей богов. Плывая далее мимо горящих потоков, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В глубине залива есть остров с бухтой; в ней находится другой остров, населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами**. Преследуя, мы не смогли захватить мужчин. Все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями. Мы поймали трех женщин; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за нами. Однако, убив, мы освежевали их и шкуры доставили в Карфаген. Дальше мы не плавали, так как пища у нас кончилась».

Все названные здесь пункты пока еще не удалось разместить на современной географической карте. Одни ученые думают, например, что гора Колесница богов — это гора Какулима, а другие считают, что это Камерун. Южный Рог пытались искать и в районе мыса Пальмас, и около мыса Сиерра-Леоне. Еще больше вариантов предлагалось при отождествлении рек, упомянутых в «Перипле». Пока ясно только одно: Ганнону удалось проложить путь далеко на юг; остров Керну пунийцы даже использовали как свою торговую базу. Память об этом сохранилась до наших дней в бесценной уникальной рукописи «Перипла» из Геттингенского собрания.

* Кимвалы и тимпаны — музыкальные инструменты.

** Видимо, пунийцы приняли за людей человекообразных обезьян.

«Перипл Ганнона» оказал влияние и на многие поздние представления о западном побережье Африки. Его отзвук можно слышать, например, в средневековых рассказах о загадочных местах у берега, где бушует огонь, раскален воздух и прорваться через которые на юг невозможно. Но сам Ганнон и даже его «Перипл» в этом не виноваты: ведь он-то прошел благополучно мимо земли, пышущей огнем. И все же интересно, насколько моряки доверяли всему, что могло исходить от финикиян. Только разрушив эти нелепые догмы, оказалось возможным впоследствии повторить путь, пройденный финикиянами.

Карфагенские мореплаватели заходили и в глубь Атлантического океана. Там они открыли поросший лесом остров, на котором даже создали свое поселение. Видимо, это были Азорские острова, где в ноябре 1749 года, по сообщению шведского ученого Юхана Пудулина, был найден клад древних монет, среди которых имелись и карфагенские монеты.

Однако этот остров лежал в стороне от важнейших тогдашних торговых путей и, естественно, не представлял какой-либо ценности для развития судоходства. Поэтому дорога к нему была забыта, и лишь как слабый отзвук предания о нем из уст в уста передавались рассказы об островах «блаженных», расположенных в глубине Атлантического океана, вдали от мира, переполненного горем и лишениями.

Вероятно, в конце VI века до нашей эры морской поход к северу от Гибралтара совершил Гимилькон. Целью его путешествия были Эстримнидские острова, откуда в древности привозили олово. Они находились, видимо, где-то у южной оконечности Британских островов. Четыре месяца длилась экспедиция Гимилькона. Течение занесло его корабли в заросли морских растений, вероятно вблизи Пиренейского полуострова. Там царило безветрие, и мореходы, с трудом продвигаясь вперед, с ужасом глядели на чудовищ, медленно проплывавших мимо...

В связи с этим уместно сказать несколько слов вот о чем. Время от времени в газетах и научно-популярных изданиях появляются сообщения о том, что где-то в Америке найдены финикийские надписи. Чрезмерно доверчивые журналисты спешат поразить мир сенсацией: оказывается, это финикийцы, вероятнее всего карфагеняне, первыми посетили Америку. Мы вынуждены разочаровать читателей: при

ближайшем рассмотрении эти надписи обычно оказывались очень примитивно сработанной подделкой.

Не стоит приписывать финикийцам того, что они не делали. Они внесли большой вклад в освоение морских путей Старого Света. И это вполне достаточно.

И СНОВА БОРЬБА ЗА МОРЕ

После разгрома Тартесса карфагеняне создали в Западном Средиземноморье зону своей монопольной торговли, куда они не допускали посторонних. Это положение было закреплено целой серией договоров, один из которых — договор с Римом (510/9 г. до н. э.) — дошел до нас. Многочисленные стычки карфагенян с греками у берегов Сицилии и Пиренейского полуострова в конце VI века ничего не изменили. Спартанский царевич Доризей дважды пытался основать на пунийских землях свою колонию, и оба раза неудачно.

Карфагенская держава занимала громадную территорию. В ее состав входили не только покоренные пунийцами страны Западного Средиземноморья, но и старинные финикийские колонии, присоединившиеся к Карфагену из боязни соперничества со стороны греков. Они хорошо понимали, что, только объединившись, они смогут сохранить свои торговые позиции перед лицом греческой опасности. Но за это им пришлось заплатить очень дорогую цену. Сохранив внутреннюю автономию, они были вынуждены переделать свое государственное устройство по карфагенскому образцу, приноровить свои законы к карфагенским и поставить свою торговлю под карфагенский контроль. Не удивительно, что время от времени карфагенское правительство было вынуждено усмирять своих собратьев из Лептиса, Гиппона, Утики.

В конце 90 — начале 80-х годов V века пунийцы, используя сложную политическую ситуацию в Сицилии, борьбу за господство между различными группировками тамошних греческих колоний, решили расширить сферу своего господства на этом острове и соответственно зону своей монопольной торговли на море. При этом они, видимо, согласовали свои действия с персами, которые как раз в это время вели войну с балканскими греками. Воспользовавшись первым предложением, около 480 года наемная армия пунийского пол-

ководца Гамилькара Магонида высадилась у Панорма (современный Палермо) и оттуда двинулись к греческой колонии Гимере. Однако конный отряд сиракузского тирана Гелона неожиданно напал на карфагенские корабли, вытащенные на сушу, и сжег их; сам Гамилькар погиб во время жертвоприношения. Лишившись командира, его армия, хотя и упорно сопротивлялась, была разгромлена.

Это событие произвело сильное впечатление на современников, которые сравнивали его с битвой при Саламине, принесшей свободу Балканской Греции. И действительно, около ста лет карфагеняне не решались предпринимать военные действия в Сицилии. Они сосредоточили свои усилия на завоевании земель в Африке. Там на плодородных землях появились хозяйства крупных землевладельцев, обрабатывавшиеся громадными армиями батраков, рабов и полусвободных — *бодов*. Земледелие стало играть важную роль в экономике, а землевладельцы — в политической жизни Карфагена. Там возникла солидная «агрономическая школа»; труды ее крупнейшего представителя, Магона, были в древности широко известны и неоднократно переводились на латинский и греческий языки. Местное население — земледельцы-ливийцы были обложены налогом в размере одной десятой доли урожая пшеницы и, кроме того, в порядке несения воинской повинности призывались на службу в пунийскую армию.

В середине V века карфагенская аристократия свергла Магонидов. Чтобы избежать в будущем новой диктатуры, к прежним органам управления были присоединены новые, в задачу которых входило контролировать должностных лиц, прежде всего военачальников. Если раньше управление государством было прерогативой двух советов — совета десяти и совета старейшин, то теперь существовал и совет ста четырех, которому полководцы обязаны были давать отчет о своей деятельности. Этот совет был особенно силен потому, что он никому не был подотчетен; его комплектовали специальные комиссии из пяти человек, пополнявшиеся в свою очередь путем кооптации. Был расширен до тридцати человек и совет десяти — высший орган власти; очевидно, в его состав были включены представители знатных семейств, ранее не имевшие решающего влияния на государственные дела.

Значительное развитие получила и система выборных должностных лиц, из которых наиболее важными были

ежегодно переизбиравшиеся «судьи»-суфеты, возглавлявшие государство. Обычно их было двое. Так как кандидаты выбирались по принципу знатности и богатства, а в Карфагене господствовала, по единодушному свидетельству древних, самая бесстыдная коррупция и народное собрание реальной властью почти не располагало, вся эта система обеспечивала аристократии ничем не стесняемое господство.

В конце V века до нашей эры карфагеняне возобновили борьбу за Сицилию. Их противником была крупнейшая греческая колония на этом острове — Сиракузы. Карфагеняне рассчитывали не только овладеть островом, но и стать полными хозяевами морских дорог на подступах к Италии. Войны, перемежавшиеся более или менее длительными перемириями, протекали с переменным успехом: были моменты, когда карфагеняне захватывали чуть ли не весь остров и подходили к самым стенам Сиракуз (так произошло, например, в 405 г.), но случалось и так, что они оказывались изгнанными с острова. Одна из таких кампаний в 398 году имела для пунийцев особенно печальные последствия: сиракузским войскам удалось захватить и разрушить Мотию. Впрочем, уже в 396 году карфагеняне восстановили свои позиции, но не стали отстраивать уничтоженный город, а на более удобном месте основали крупный город и порт Лилибей. Иногда борьба переносилась в Африку, но это не влияло сколько-нибудь существенно на ее результаты.

Во время этих войн особенно ожесточенной стала борьба между различными аристократическими группировками в Карфагене, в которой противники использовали любые приемы. Так, один из тамошних политических деятелей, Суниат, занимался самым настоящим военным шпионажем в пользу сиракузян, сообщая им военные планы карфагенян. Характерной была реакция пунийских властей на это преступление: они приняли специальное постановление, запрещавшее изучать греческий язык. Но это решение они так и не смогли провести в жизнь. Потребности торговли, контакты между людьми были сильнее любых постановлений карфагенского совета.

По окончании кампании 368—367 годов пунийский полководец Ганнон попытался, опираясь на свои войска, установить в Карфагене единоличную диктатуру. Пригласив на свадьбу своей дочери правителей города, он намеревался расправиться с ними. Свадьба не состоялась. Противники Ганнона, хотя и разгадали его намерения, не осмеливались

что-либо предпринять. Однако и Ганнон, узнав, что заговор раскрыт, не решился выступить в самом Карфагене. Он бежал в степь и, вооружив своих рабов — их было около двадцати тысяч, — занял там небольшую крепость. Пытался он привлечь на свою сторону и местное ливийское крестьянство. Одолеть карфагенское ополчение Ганнон не смог, он был схвачен и казнен. Было бы, разумеется, большой натяжкой рассматривать это событие как движение рабов или крестьян. Основной силой, на которую пытался опереться Ганнон, была наемная армия, он преследовал сугубо личные цели. Известны и другие случаи такого же рода, например попытка военачальника Бомилькара захватить власть, окончившаяся столь же неудачно.

К середине III века большая часть Сицилии находилась под властью Карфагена. Сиракузы перестали играть сколько-нибудь заметную роль. Но в борьбе за Сицилию у карфагенян появился новый противник — Рим, к тому времени закончивший борьбу за господство в Италии.

Карфагеняне имели с Римом давние и прочные контакты. Выше упоминалось о договоре, заключенном между ними еще в конце VI века до нашей эры. В дальнейшем эти связи стали еще более тесными. Карфагенские знатные роды имели отношения гостеприимства с римскими аристократами. Устанавливая такие отношения, они обязывались предоставлять «гостю» свой кров и защиту. В 348 году был заключен новый договор, регулировавший отношения между Карфагеном и Римом.

Первая война Карфагена с Римом, начавшаяся в 264 году, показала, что пунийская наемная армия не в состоянии оказать римским воинам сколько-нибудь серьезного сопротивления. В течение двух лет римляне очистили от карфагенян почти всю Сицилию. Единственной надеждой пунийцев был флот, безраздельно хозяйничавший на море и обеспечивавший их господство в немногих прибрежных пунктах Сицилии. Карфагеняне держали в страхе и побережье Италии.

Естественно, перед Римом встала задача ликвидировать превосходство противника на море. Случайно захватив один из пунийских кораблей, римляне построили по его образцу огромную флотилию в триста судов. Однако должно было пройти некоторое время, прежде чем римляне сумели выработать и навязать врагу свою тактику морского боя. Уже первые столкновения на море показали, что римские флото-

водцы, еще плохо владевшие искусством вождения судов, не могли рассчитывать на победу в обычных условиях, когда чужие корабли выводились из строя в результате тарана. Римское командование искало путей, которые помогли бы ему одержать победу.

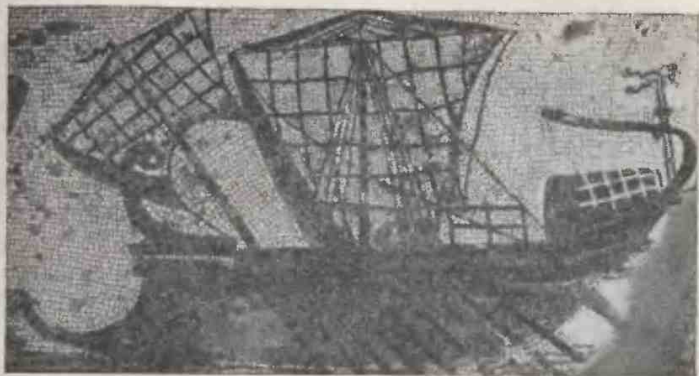
С этой целью были изобретены так называемые вороны — мостки с крючьями на концах. Они зацеплялись за борт вражеского корабля, после чего начинался abordажный бой. Используя эту новую тактику, римляне сумели в морском сражении при Милах нанести поражение пунийцам, и господство последних на море было ликвидировано раз и навсегда.

Впрочем, если карфагеняне не располагали достаточными силами, чтобы добиться перелома в свою пользу, то и римляне еще не сумели окончательно подавить сопротивление противника. В 256 году они переправились в Африку, рассчитывая там с помощью ливийцев одержать решающую победу. Но эта экспедиция была разгромлена. В свою очередь карфагеняне попытались, и так же безуспешно, активизировать военные действия в Западной Сицилии (это произошло в 247 г. до н. э.). Окончательно убедившись в том, что борьба становится для них бесперспективной, предвидя новые поражения, пунийские власти решили кончить войну.

Договор о мире в его окончательной форме предусматривал, что Карфаген должен был не только отказаться от Сицилии, но и уплатить в течение десяти лет контрибуцию размером в 3200 талантов *. На этом в 241 году закончилась так называемая Первая пуническая война, первая война между Карфагеном и Римом.

Однако, избавившись от одной опасности, Карфаген столкнулся с другой, ничуть не менее грозной. Нужно было выплачивать наемным солдатам жалованье, а денег не было. Пунийские правители не нашли ничего лучшего, как отправить наемников в глубь Африки. Там их надеялись успокоить и уговорить либо отказаться от своих требований, либо удовлетвориться частью жалованья. Но подобные попытки были заранее обречены на неудачу. Когда терпение наемников истощилось, они решили, арестовав присланных

* Талант — единица веса, равная 25,9 кг. Как денежная единица талант состоял из 60 мин, или 7 тыс. драхм (серебряных денежных единиц Древней Греции).

«Таршишский» корабль из Римской Африки

к ним пунийских чиновников, двинуться на Карфаген. Их выступление, которое возглавили ливийский воин Матос и беглый раб Спендий, послужило сигналом для общего восстания ливийского крестьянства. Оно было вызвано притеснениями карфагенских наемников, беспощадно выколачивавших из населения тяжелые подати. Движение охватило всю страну. Временами Карфаген оказывался на краю гибели. Только двинув против повстанцев свои лучшие войска во главе с талантливым полководцем Гамилькаром Баркой, пунийцам удалось сломить восставших. В 239 году Карфаген, казалось, снова обрел спокойствие.

Теперь основной целью внешней политики Карфагена стал реванш. Чтобы подготовить новую, на этот раз победоносную войну с Римом, Гамилькар Барка высадился в 237 году в Гадесе и начал планомерное завоевание Пиренейского полуострова, который предполагалось превратить в основную базу будущих операций. После его смерти в 229/8 году эту же политику продолжали его зять Гасдрубал, а затем и его сын Ганнибал, по требованию народных масс Карфагена принявшие на себя командование войсками на Пиренеях. В особенности важным шагом было создание на месте города Мاستиены на Пиренейском полуострове пунийской колонии Новый Карфаген (современная Картахена), неподалеку от богатых серебряных рудников. На этих рудниках работали до сорока тысяч рабов. Условия труда на рудниках были невыносимо тяжелыми, и рабы там

гибли десятками тысяч. Впрочем, их судьба никого не тревожила: ведь купить новых рабов было дешевле, чем кормить уже купленных. Каждый день на землю извлекалось на 25 тысяч драхм серебра. В Новом Карфагене хранились значительные денежные запасы. При взятии его римляне захватили более шестисот талантов серебра из государственной казны. Это было серебро, добытое на рудниках. Население города без рабов составляло, по-видимому, около сорока тысяч человек, в основном ремесленники и мореходы. Новый Карфаген стал и крупнейшим торговым портом: ячмень и пшеницу из Северной Африки, оружие, медь, холст, испанское волокно — все это можно было найти в его гавани.

Встревоженные римляне сделали все, чтобы приостановить продвижение карфагенян на север. Однако единственное, что им удалось, — заключить договор с Гасдрубалом в 226 году, по которому карфагеняне обязались не переходить реку Ибер (современное Эбро); она, таким образом, признавалась северной границей сферы карфагенского господства на Пиренейском полуострове.

Однако обе стороны понимали, что это решение временное. В начале 219 года Ганнибал, имея в тылу «умиротворенные» огнем и мечом иберийские племена Испании, решил на открытый конфликт с Римом. Он осадил Сагунт — иберийский город южнее Ибера, находившийся в союзе с римлянами, и после восьмимесячной осады сломил героическое сопротивление горожан. Их надежды на помощь Рима не оправдались. Только в 218 году римляне формально объявили Карфагену войну. Весной того же года Ганнибал, захвативший инициативу в свои руки, переправился на левый берег Ибера и двинулся на север. Надеясь приостановить продвижение пунийских войск, один из римских консулов, Публий Корнелий Сципион, поспешил в Массалию, чтобы помешать Ганнибалу переправиться через Родан. Но выполнить этот замысел Сципиону не удалось. Обманув его, пунийцы благополучно форсировали реку и, не вступая в сражение, продолжали свое поспешное движение на восток, в Италию. Сципион, установив, куда направляется Ганнибал, тут же отплыл в Италию. При этом справедливо рассудив, что Испания служит важнейшей тыловой базой пунийцев, он отправил туда своего брата Гнея Корнелия, приказав ему очистить полуостров от пунийских войск.

Тем временем Ганнибал, ценой огромных потерь перейдя Альпы (это произошло впервые в истории военного искусства), явился в Северную Италию. Попытка римлян остановить его наступление не увенчалась успехом: сначала в битве на реке Тицине была разгромлена армия Сципиона, а затем при Требии вместе с остатками этой последней и войска другого консула — Тиберия Семпрония Лонга. Весной 217 года по кратчайшему пути через болотистую долину реки Арно Ганнибал вторгся в Центральную Италию. Римские войска, которыми командовал консул Гай Фламиний, находились у горных проходов Аримин и Арретий; теперь они оказались обойденными. Бросившись следом за пунийцами, Фламиний попал в засаду у Тразименского озера и там, потерпев поражение, погиб в бою. Но Рим располагал еще значительными резервами, и для организации обороны в этом районе был назначен диктатор, выходец из знатного патрицианского рода Квинт Фабий Максим.

Пока Ганнибал хозяйничал в Центральной и Южной Италии, римский диктатор избегал открытого боя. Он стремился, сохраняя в целости свои войска, измотать армию Ганнибала, заставить его воинов страдать от голода и жажды, а затем уничтожить. Поэтому он всячески уклонялся от боя, который ему навязывал пунийский военачальник. Ганнибал отлично понимал смысл этой тактики. Чтобы добиться сражения, он пытался скомпрометировать Фабия: разграбив все поля, он приказал не трогать имущество диктатора. Он поощрял и Минуция, начальника конницы при диктаторе, ставленника демократических кругов, который настойчиво искал боя. Вопреки обычаю, Минуций был уравнен в правах с диктатором и получил в свое распоряжение часть римской армии. Ганнибалу без особого труда удалось его разгромить; от полной гибели незадачливого полководца спас Фабий.

Тактика римлян позволяла им вырвать из рук противника инициативу. Она настолько себя оправдала, что, когда срок диктаторских полномочий Фабия истек, консулы повели войну тем же испытанным способом. В войсках Ганнибала начался голод и, естественно, солдатские бунты. Ганнибал метался в поисках выхода и, наконец, решил отходить в Апулию.

Однако римские демократы были очень недовольны политикой аристократа Фабия, которая несла им разорение

и нищету. Они требовали ведения активной, наступательной войны и скорейшего изгнания из Италии пунийских войск. Ставленник народных масс консул Гай Теренций Варрон 2 августа 216 года дал Ганнибалу сражение у Канн и... потерпел поражение. Римская армия была почти полностью уничтожена, города Южной Италии во главе с Капуей открыто перешли на сторону карфагенян, видя в них избавителей от римского гнета, дорога на Рим, который не имел войск для обороны, была открыта.

Однако Ганнибал не сумел воспользоваться плодами своей блестящей победы. Захват Рима дал бы ему возможность не только быстро окончить войну, но и подчинить себе всю Италию. Такой план выдвигался карфагенскими всеначальниками сразу же после битвы. Командовавший карфагенской конницей Махарбал предлагал Ганнибалу немедленно идти на Рим, предупредив конной атакой возможную попытку римлян уйти из города. Ганнибал не принял этого предложения.

В науке было много споров о том, почему он так поступил и насколько он был прав. Одни считают, что Ганнибал стремился не к захвату Рима, а к его капитуляции и с этой целью хотел поставить под свой контроль всю Италию. Другие думают, что осада Рима или его штурм не принесли бы Ганнибалу успеха.

Как бы то ни было, Рим получил передышку и возможность накопить новые силы. Это и предрешило исход всей войны. Постепенно римлянам удалось восстановить свои позиции в Южной Италии, в Сицилии и на Пиренейском полуострове. В особенности тяжелые последствия для Ганнибала имела потеря Капуи и падение в Испании Нового Карфагена. Гасдрубал Баркид, который должен был привести в Италию новые пунийские войска, погиб. Ждать подкреплений больше было неоткуда. Ганнибал оказался в безвыходном положении. Весной 204 года римский полководец Сципион высадился в Африке неподалеку от Утики. Тогда карфагенский совет решил вступить в мирные переговоры (весной 203 г.) с Римом и вызвал Ганнибала из Италии. После его прибытия война возобновилась, но в битве при Заме (202 г.) карфагеняне потерпели уже решающее поражение. Война была фактически окончена. По условиям мирного договора, заключенного в следующем году, Карфаген потерял все свои владения за пределами Северной Африки, должен был передать часть своих территорий нумидий-

скому * царю Массанассе, оказавшему римлянам большие услуги в их борьбе с Карфагеном, уплатить огромную контрибуцию и, что наиболее существенно, лишился многих своих суверенных прав: стнньне он мог вести войну лишь с разрешения римлян. Ясно, что это не только открывало широкие перспективы для римского вмешательства, но и ограничивало возможности карфагенян обороняться против возможных противников.

Ганнибал, придя к власти на гребне мощного демократического движения, сделал все, чтобы подготовить Карфаген к возобновлению борьбы, отнюдь еще, по его мнению, не законченной. С этой целью он установил свою единоличную диктатуру; выборные должностные лица теперь должны были регулярно отчитываться перед ним в своих действиях. Он реорганизовал и совет ста четырех, который превратился в выборный орган: его члены стали ежегодно сменяться. Карфагенская аристократия утратила эту важнейшую цитадель своего господства. Ганнибал всячески покровительствовал развитию пунийской торговли; карфагенские купцы вели широкие коммерческие операции в Балканской Греции, Причерноморье и в компании с египетскими даже плавали на юг Красного моря, в «Страну ароматов» (вероятно, побережье Сомали). Особое место в политике Ганнибала занимали переговоры, которые он вел с сирийским царем Антиохом о совместных действиях против Рима.

Карфагенская аристократия резко враждебно относилась к деятельности Ганнибала и, чтобы избавиться от него, пошла на открытое предательство. В Рим был направлен донос о том, что Ганнибал замышляет новую войну. Естественно, римский сенат потребовал выдачи неугомонного противника, но тому удалось бежать на восток, где он пытался продолжать борьбу против Рима. Но эти попытки не принесли ему успеха; Ганнибал был вынужден покончить с собой, приняв яд.

Плоды нарочитой политической неопределенности, которой добивался Рим, не устанавливая точных границ между Карфагеном и недавно образовавшимся Нумидийским царством и запрещая Карфагену вести войны, не за-

* *Нумидийцы, или номады (кочевники)*, — так в произведениях древнегреческих и римских писателей назывались кочевые ливийские племена, жившие на территории современного Алжира, неподалеку от границ Карфагенской державы.

медлили сказаться. Между Массанассой и пунийскими властями начались непрерывные конфликты из-за различных спорных территорий, пока, наконец, вооруженное столкновение (150 г. до н. э.) не дало римлянам желанного повода к началу военных действий. В 149 году началась новая война (Третья пуническая), целью которой стало для римлян полное уничтожение некогда грозного противника. Изречение сенатора Катона: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен» — определяло политику Рима по отношению к этому городу. Пока Карфаген стоял на своем месте, пока его корабли бороздили воды Средиземного моря, большинство сенаторов испытывали постоянное беспокойство. Им казалось, что враг у ворот и с минуты на минуту повторятся ужасы ганнибалова нашествия. Поэтому они не приняли ни оправданий карфагенского совета, ни даже сдачи безоружного города. Карфаген должен быть разрушен, а его жители должны быть переселены подальше от моря — таково было их требование.

Узнав об этом, карфагенское правительство (у власти в этот момент стояли демократы) решилось на отчаянное сопротивление. Непроступные стены на первых порах могли защитить Карфаген от штурма, в городе были освобождены рабы, влившиеся в армию, в мастерских ковалось оружие, на верфях строили корабли. Осажденные защищались с большим упорством: в течение двух лет римляне не могли добиться победы. Только в 147 году по приказанию Сципиона Эмилиана город был обнесен внешней осадной стеной и полностью с моря и суши изолирован от остального мира. Весной 146 года римлянам удалось через один из участков стены проникнуть в гавань, а оттуда начать наступление к центру. Шесть дней на кривых улочках горящего города среди многоэтажных домов продолжались ожесточенные бои.

Около пятидесяти тысяч человек попали в плен в карфагенской крепости Бирсе и были проданы в рабство.

Наконец, последние очаги сопротивления были подавлены. По приказанию сената место, на котором много веков назад был основан Карфаген, распахали, предали проклятию и постановили впредь не заселять.

Но гибель Карфагена не повлекла за собой гибели пунийской культуры. Хотя в Северной Африке начали очень энергично внедряться латинский язык и римская культура, старинные западнофиникийские города, как, например,

Большой Лептис, даже в своей официальной документации продолжали пользоваться финикийским языком. Даже на самой грани средневековья сельские жители Северной Африки считали себя финикийцами и разговаривали только на этом языке. Известны случаи, когда выходцы из этих районов совершенно не владели латынью. Вероятно, только после арабского завоевания Северной Африки и распространения там языка новых завоевателей, близкого к финикийскому, последний был окончательно вытеснен.

Пунийцы оказали большое влияние и на культуру ливийцев — коренного населения Северной Африки. Местные цари хранили в своих библиотеках книги пунийских авторов, их дворцы и мавзолеи строили карфагенские архитекторы, а почетные надписи на них вырезали обычно на финикийском и ливийском языках.

Даже в государственном строе североафриканских городов сохранились черты, унаследованные от карфагенян. Недаром высшие должностные лица там продолжали именоваться суффетами.

К сожалению, мы еще многого не знаем о карфагенянах. Надо надеяться, что раскопки, ведущиеся на территории Северной Африки, дадут в руки исследователей такие материалы, которые позволят открыть новые страницы яркой истории этого древнего города.

ЛИТЕРАТУРА

- Винников И. Н., *Вновь найденные финикийские надписи*, — «Эпиграфика Востока», вып. 5, 1951.
- Винников И. Н., *Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении*, — «Вестник древней истории», 1952, № 4.
- Гельцер М. Л., *Классовая и политическая борьба в Библие амарнского времени*, — «Вестник древней истории», 1954, № 1.
- Гельцер М. Л., *Надпись Бен-Адада I, царя Дамаска, и международные отношения в Передней Азии в начале IX в. до н. э.*, — «Эпиграфика Востока», вып. 12, 1958.
- Гельцер М. Л., *О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э.*, — «Древний мир», М., 1962.
- Гельцер М. Л., *Значение раскопок в Библие для истории древнего Востока*, — «Вестник древней истории», 1962, № 2.
- Петерс Д. Д., *Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове*, — «Ученые записки Московского Государственного педагогического института им. В. И. Ленина», 1942.
- Тураев Б. А., *Остатки финикийской литературы*, СПб., 1903.
- Хенниг Р., *Неведомые земли*, т. I, М., 1961.
- Шифман И. Ш., *К восстановлению одной истрийской надписи*, — «Вестник древней истории», 1958, № 4.
- Шифман И. Ш., *Пунийский архив из аль-Хофра*, — «Вестник древней истории», 1962, № 4.
- Шифман И. Ш., *К вопросу о значении термина «бод» в пунийских надписях*, — «Эпиграфика Востока», вып. 15, 1963.
- Шифман И. Ш., *Возникновение Карфагенской державы*, М.—Л., 1963.
- Шифман И. Ш., *Финикийский язык*, М., 1963.
- Albright W. F., *New light on the early history of Phoenician colonization*, — «Bulletin of the American schools of Oriental research», 1941, № 83.
- Bikerman E., *Sur une inscription grecque de Sidon*, — «Mélanges syriens, offerts à Mr. René Dussaud», vol. I, Paris, 1939.
- Braslavi Y., *'Oni taršiš. 'esiyon-gäbär umassa'e 'opir* — «'Elat», Yerušalayim, 1963.
- Campbell E. F., *The Amarna letters and the Amarna period*, — «The Biblical archaeologist», 1960, № 1.
- Cintas P., *Contribution à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc*, Paris, 1954.
- Conteneau J., *La civilisation phénicienne*, Paris, 1949.
- Donner H., Röllig W., *Kanaanäische und aramäische Inschriften*, Bd I, Wiesbaden, 1962.

- Dunand M., *Byblia grammata*, Beyrouth, 1945.
- Fitton A. D. Brawn, *After Cannae*, — «Historia», Bd VIII, 1959, № 3.
- Friedrich J., *Phönizisch-punische Grammatik*, Roma, 1951.
- Galling C., *Eschmunazar und der Herr der Könige*, — «Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins», Bd 79, 1963, H. 2; Bd 80, 1964, H. 1.
- Garbini G., *L'espansione fenicia nel Mediterraneo*, — «Cultura e scuola», 1963, № 7.
- Glueck N., *The other side of the Jordan*, New Haven, 1945.
- Gsell St., *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, t. I—VIII, 1913—1928.
- Harden D., *The Phoenicians*, London, 1962.
- Harris Z. S., *A Grammar of the Phoenician language*, Philadelphia, 1936.
- Lapeyre G. G., *Carthage punique*, Paris, 1942.
- Liverani M., *Storia di Ugarit nell'età degli archivi politici*, — «Studi semitici», vol. 6, Roma, 1962.
- Maurin L., *Himilcon le Magonide*, — «Semitica», vol. 12, 1962.
- Moscatti S., *La questione fenicia*, — «Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei», ser. VIII, vol. XVIII, 1964, fasc. 7—12, pp. 483—506.
- Meltzer O.—Kahrstedt V., *Ceschichte der Karthager*, Bd I—III, Berlin, 1876—1913.
- Montet P., *Byblos et l'Egypte*, Paris, 1928.
- Noth M., *Zum Ursprung der phönikischen Küstenstädte*, — «Die Welt des Orients», Bd I, 1947.
- Pesce G., *Sardegna punica*, Cagliari, 1961.
- Picard G., *Le monde de Carthage*, Paris, 1956.
- Vogelstein M., *Nebuchadnezzar's reconquest of Phoenicia and Palestine and the oracles of Ezekiel*, — «Hebrew Union College Annual», vol. 23, pt 2, 1950—1951.
- Warmington B. H., *Carthage*, London, 1960.
- Weill R., *Phéniciens, Égéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive*, «Syria», vol. II, 1922.
- Weill R., *Phoenicia and Western Asia to the Macedonian conquest*, London, 1940.
- Wilson J. A., *The assembly of a Phoenician city*, — «Journal of Near Eastern Studies», 1945, № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Часть первая

Первые шаги	5
Рождение алфавита	20
Финикияне идут на запад	24
Загадочная страна Офир	35
«Сидон я ниспроверг и камни бросил в море»	37
Жизнь берет свое	42
Солнце справа	46
На пути к закату	48

Часть вторая

Картхадашт — новый город	54
Борьба за море	59
За Столпами Мелькарта	62
И снова борьба за море	68
Литература	80

Илья Шолеймович Шифман
ФИНИКИЙСКИЕ МОРЕХОДЫ

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *Т. М. Швецова*
Художник *И. М. Русина*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Д. А. Глейх*
Корректор *Е. А. Мамиконян*

*

Сдано в набор 26/V 1965 г.
Подписано к печати 16/VIII 1965 г.
А-10084. Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 2,625. Усл. п. л. 4,4. Уч.-изд. л. 4,05
Тираж 9000 экз. Изд. № 1509
Зак. № 1045. Темплан 1965 г. № 1082
Цена 18 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 18 коп.

